

ВЕЛИКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ

«Верецагин — такой гигант, что, приступая к его характеристике, я испытываю неловкость. Когда смотришь на этого колосса, все кажется вокруг таким маленьким, ничтожным...» — так о Верецагине говорил Илья Репин.

А поэт и прозаик А. В. Жиркевич писал о художнике:

«Это какой-то вечно меняющийся в образах, в формах, в размерах хаос; хаос живой, движущийся вперед, все за собой увлекающий, от которого трудно оторваться; хаос непримиримых, казалось бы, противоречий; хаос, который, как луч божественного света, пронизывает, озаряя, упрямое, страстное искание истины...»

В этих характеристиках — весь Верецагин, гениальный, хаотичный и многогранный в своих талантах. Энциклопедическое определение его как художника-баталиста, одного из величайших в истории, несомненно, верно.

Но только с формальной точки зрения. Война и все на ней происходящее были для Верецагина одним из средств художественного выражения.

Целью же всегда был человек и мир, его окружающий.

Именно поэтому Василий Васильевич так много путешествовал, ведь познание мира невозможно без того, чтобы не увидеть его своими глазами. Он объездил Среднюю Азию, Закавказье, Китай, Цейлон, Соединенные Штаты, Кубу, вместе с молодой женой забирался в отдаленные места Гималаев и Тибета.

Множество раз Верецагин оказывался на волосок от гибели, как на войне, так и когда, например, пробивался по горным утесам через снежную бурю.

Зачем же это было ему нужно?

Затем, чтобы увиденное глазами пропустить через себя и воплотить в художественные произведения, как живописные, так и литературные.

Ведь иначе, по мнению Василия Верецагина, жизнь просто потеряла бы смысл...

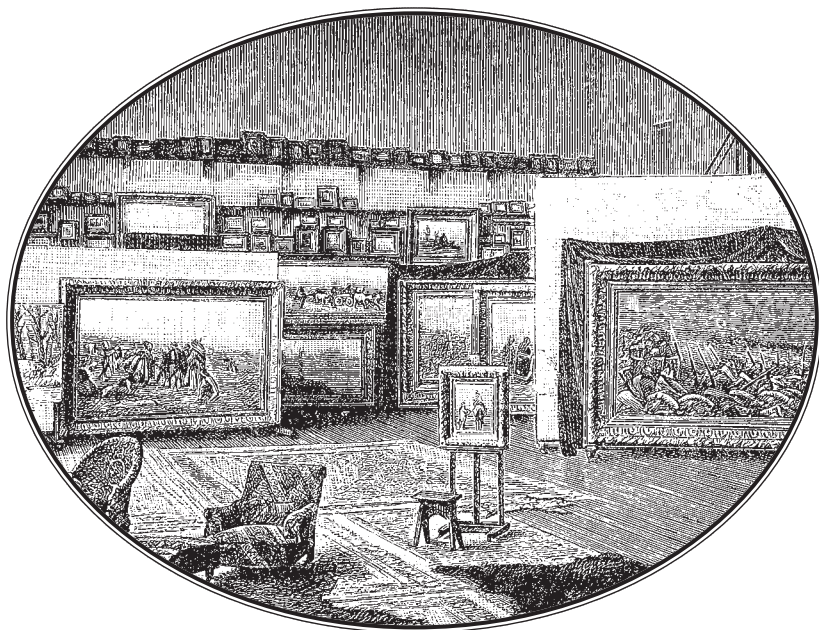
Василий Васильевич
ВЕРЕЩАГИН

1842—1904

В. В. Верещагин

ГИМАЛАИ, СИБИРЬ, АМЕРИКА.

Мои пути и дороги.
Очерки, наброски, воспоминания

Москва
2023

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

От Издательства

Картины Василия Васильевича Верещагина составляют гордость экспозиции лучших музеев мира. Репродукции его полотен печтатаются миллионами копий. В общем, художник Верещагин — гигант, положение которого в истории искусства незыблемо.

А вот с литературным наследием знаменитого художника ситуация иная. Как писатель Василий Васильевич Верещагин мало знаком отечественному читателю. И это досадно, ведь литературный талант Верещагина заслуживает внимания и пристального изучения.

Верещагин пробовал свои силы как прозаик — в 1894 году увидела свет его повесть «Литератор», которую благосклонно встретила и публика, и критики; также в печати регулярно выходили его рассказы. Перу Василия Васильевича принадлежит и ряд исторических исследований. В частности, при создании своей «Наполеоновской серии» Верещагин так увлекся фигурой Бонапарта и событиями Отечественной войны 1812 года, что «не удержался» и написал книгу «1812: Пожар Москвы; Казаки; Великая армия; Маршалы; Наполеон I».

Но наиболее в литературном отношении Верещагин отличился как автор путевых очерков и отчетов о посещении разных стран, связанных в том числе с непосредственным участием художника в военных действиях. Они и составили основу нашего издания. Это рассказы о поездках по Средней Азии, Закавказью, Китаю, Цейлону, Соединенным Штатам, Кубе, Гималаям и Тибету. Издание дополнено сотнями иллюстраций, большинство из которых принадлежит самому В. В. Верещагину — и это одна из интереснейших особенностей книги, когда очерки о путешествиях проиллюстрированы автором, художественный талант которого настолько безупречен.

СОДЕРЖАНИЕ

В. В. Верещагин:
«Казалось, мир мне
будет мал...».
О художнике, его судьбе
и путях-дорогах

14

Он хотел показать людям трагедию и глупость войны — и сам пал ее жертвой...

ИЗ ПУТЕШЕСТВИЯ ПО СРЕДНЕЙ АЗИИ

I

Нищенство здесь сильно развито и хорошо организовано. Нищия компания составляет род братства с одним главой.

37

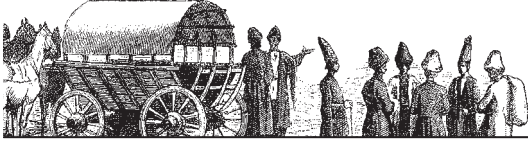
Самарканд. 1868 год

78

Материала для изучения и рисования было столько, что буквально трудно было решиться, за что раньше приняться: природа, постройки, типы, костюмы, обычаи...

ИЗ ПУТЕШЕСТВИЙ ПО ЗАКАВКАЗСКОМУ КРАЮ

I. Религиозное празднество мусульман-шиитов

Эти страдания имамов служат также содержанием для мистерии или драмы, разыгрываемой частью в первые девять дней, частью, с особенным торжеством, на десятый день.

115

II. Духоборцы

130 *Очень строго преследовали их толк, стараясь препятствовать распространению его; в этих-то видах духоборцы были выселены сначала в Таврию, а потом в еще более глухое место, в горы Закавказского края.*

III. Молокане

В Закавказье очень много молокан; живут они все хорошо, зажиточно, но только не так согласно, как духоборцы.

139

ОТ САН-ФРАНЦИСКО ДО ГОНКОНГА. *Путевые наброски*

I

149

Молодой еще народ не успел себе создать истории, не прошел, да и не пройдет в своей исторической жизни через те ступени, через которые прошли народы Старого Света.

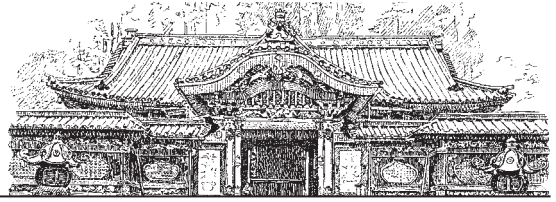

II

Наконец на двадцатый день рано утром мы в подзорные трубы разглядели далекие, неясные еще очертания гористого берега Японии. Легко понять, с каким нетерпением все мечтали стать на твердую землю.

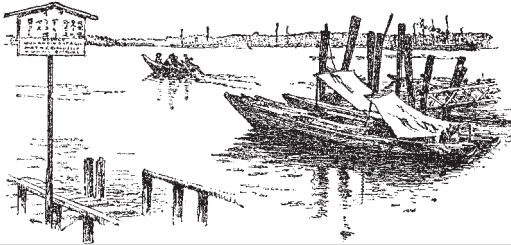
158

III

164

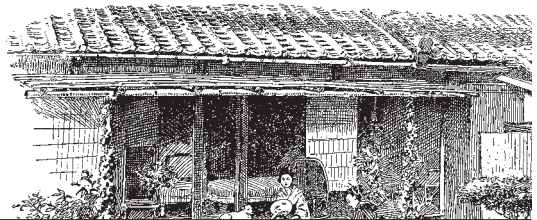
Насильное вторжение иностранцев нанесло смертельный удар феодальному строю старой Японии.

IV

Стремление к подражанию во всем европейцам особенно проявляется в таких центрах, которые последние выбрали своей резиденцией или в приморских городах.

177

V

184

Искусства живописи, скульптуры на дереве и слоновой кости, бронзы и фарфора, лакировки и выделки оружия были известны японцам с самых ранних времен, а в последних двух они достигли особенного совершенства.

VI

Все японцы вообще большие охотники до всевозможного рода развлечений, между которыми, бесспорно, первое место принадлежит театрам, всегда усердно посещаемым публикой.

192

VII

202

Две религии, не считая христианства, с давних пор нашли себе убежище в Японии, хотя ни одна из них и до настоящего времени не может похвалиться количеством серьезных, убежденных последователей.

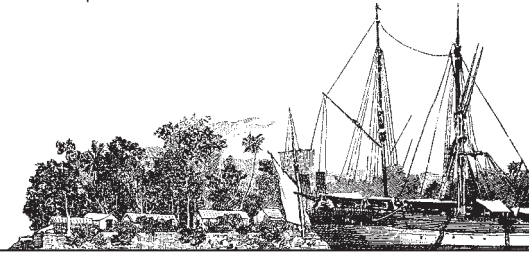
VIII

Путешествие по Японии производит на всех туристов вообще самое благоприятное впечатление как благодаря оригинальному образу жизни ее жителей, так и природе страны.

218

МЕСЯЦ НА ЦЕЙЛОНЕ

I

231

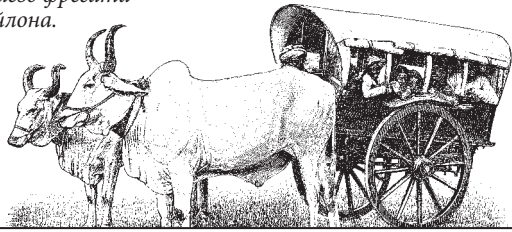

Переезд из Кохинхины на Цейлон. Неблагоприятные условия Индии для русского туриста. Отношение к нам англичан. Отсутствие консулов. Стоимость путешествия и жизни. Несколько слов об известном французском писателе Жаколио.

II

Приезд в Коломбо. Продавцы редкостей. Жизнь в отеле. Три квартала города. Разнообразие жителей туземного квартала. Жизнь в английских колониях. Приезд фрегата «Владимир Мономах». Краткая история Цейлона.

236

III

241

Дорога в Канди. Главные предметы плантаций. Растительное и минеральное богатство острова. Пагода Священного зуба в Канди. История этого зуба. Ботанический сад Перадения.

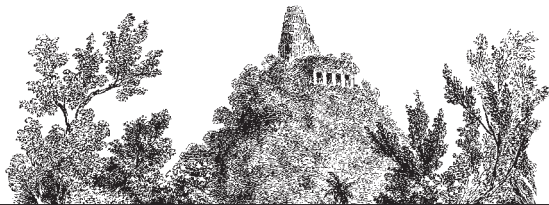

IV

Дорога в Анурадхапуру. Устройство вообще всех бунгало Индии и Цейлона. Плата за квартиру и стол. Опять джунгли.

246

V

249

Анурадхапура, столица Цейлона. Остатки прежнего величия. Медный дворец, его основание и назначение. Священное дерево Бочага. Дагобы. Заключение.

ПО СИБИРИ

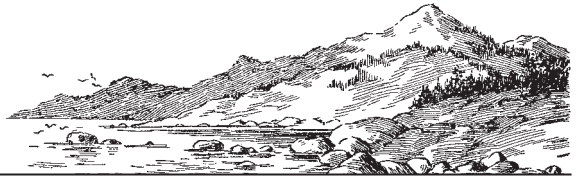

Само выражение сибиряка: «У вас в России» — как нельзя более характерно и наглядно доказывает разобщенность края.

253

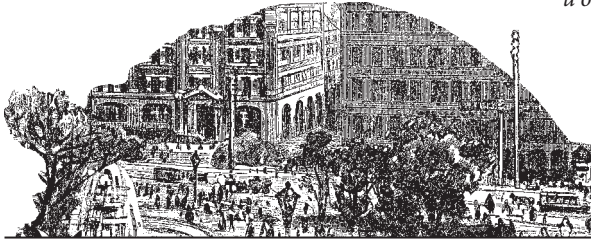
ПО СОЕДИНЕННЫМ ШТАТАМ АМЕРИКИ 1901—1902 гг.

1. На пароходе «Кронпринц Вильгельм» через океан

265

Общество, конечно, самое разнообразное и, как видно с первого раза, менее феишенбельное, чем на английских, ливерпульских и даже французских судах — меньше богатых людей, мучеников фрака со стороны мужчин и открытых туалетов со стороны дам.

2. Нью-Йорк и Бристоль

Общее впечатление жизни американского городка очень отрадное; полиции не видно, она не имеет никакой силы, никакого веса, ни во что не имеет права вмешиваться. Все делается самими гражданами.

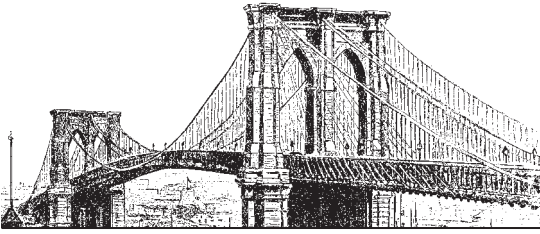
269

3. Чикаго: музеи, искусство, университет

275

Чикаго, город в полтора, а с пригородами в два миллиона жителей, до сих пор называется высокомерными ньюйоркцами «западной дереушкой», хотя эта «западная дереушка» грозит перегнуть сам Нью-Йорк.

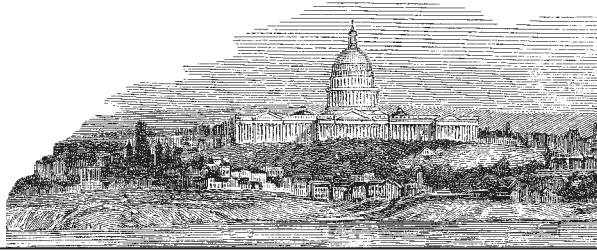

4. Железные дороги и другое

Окрестности по железнодорожному пути часто напоминают Россию деревянными постройками и ровностью местности, хотя леса меньше вырублены и жилье расположено не деревнями, а фермами.

281

5. Вашингтон. Встречи с президентом Теодором Рузвельтом

285

Мое впечатление от свидания с президентом республики Соединенных Штатов было то, что это — сильный, одаренный природой человек, интересующийся всем и очень много военным делом.

6. Куба в годы перемен

Город Гавана, конечно, никогда при испанском владычестве не был в таком цветущем состоянии: чистота на улицах, яркая зелень на площадях; помина нет о дохлых собаках и кошках, валявшихся по улицам и наполнявших их зловонием.

292

Заметки об Америке

297

Что приятно удивляет европейца в Америке, так это отсутствие формализма.

КИТАЙСКАЯ ГРАНИЦА. НАБЕГ 1869 год

Здесьшние места, обезлюдившие после кровавого возмущения в Китае, недавно перешли в наши владения; они были заняты сметливыми офицерами, главным образом, разумеется, потому, что плохо лежали.

303

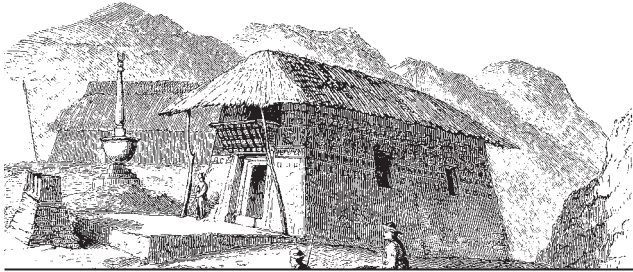
ОЧЕРКИ
путешествия в Гималаи
г-на и г-жи Верещагиных
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

329

Приглашение в Непал. — Приезд в Банкипор. — Доктор Симпсон. — Пароход. — Почтовая езда. — Первое впечатление снеговых гор. — Приезд в Дарджилинг. — Буддийский монастырь. — Приготовление к отъезду. — Выход из Дарджилинга.

Глава вторая

Лоды. — Миссионер. — В Гималаях. — Пемииончи. — Яксун. — Восхождение на Канчингу. — Как носильщики нас покинули. — Медленное замерзание. — Спасение. — Джонгри. — Разысканная дорожная сумка. — Добди. — Лама. — Наш чапрасси, или посыльный. — Монастырь Чангачелинг. — Праздник в Пемииончи. — Танцы и пантомимы. — Опять наш чапрасси. — Письмо короля.

340

Глава третья

365

Путь в Томлонг. — Теплые северные источники. — Ратлам. — Приход в Томлонг. — Мы представляемся королю. — Подарки. — Кунген-лама. — Покупка различных вещей. — Выход из Томлонга. — Мост. — Возвращение в Дарджилинг.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Вот мы и в Сринагаре, столице Кашмира. Вошли широкой улицей, обсаженной деревьями, да такими славными, что есть где путникам укрыться и от дождя и от зноя.

374

ПРИЛОЖЕНИЯ

Илья Репин.
Воспоминания о В. В. Верещагине

403 *Как художник он гремел своей славой далеко за пределами России, и этого победоносного грома нельзя было не слышать, не было возможности удержаться от желания видеть поскорее эту совсем невероятную новость в искусстве.*

Речь И. Е. Репина
на траурном заседании
памяти В. В. Верещагина,
организованном
Академией художеств
20 апреля 1904 года

Верещагин — такой гигант, что, приступая к его характеристике, я испытываю неловкость. Когда смотришь на этого колосса, все кажется вокруг таким маленьким, ничтожным...

408

Н. Н. Брешко-Брешковский.
Русский художник
В. В. Верещагин

411 *Трудно найти другого русского художника, имя которого пользовалось бы такой широкой европейской известностью, как имя Василия Васильевича Верещагина, творца батальных и этнографических картин.*

В. В. ВЕРЕЩАГИН: «КАЗАЛОСЬ, МИР МНЕ БУДЕТ МАЛ...».
О художнике, его судьбе и путях-дорогах

Когда мы слышим слово «художник», какие прежде всего возникают ассоциации? Уютная студия, краски, мольберт, натура. Или выезд на пленэр, тихая мягкая природа, старинный собор, поросший кувшинками пруд. Можно также представить себе юг Франции или Италии, где так приятно писать море и скалы днем и предаваться развлечениям вечером.

А теперь — кое-что совершенно иное. Вот, например, воспоминания одного из участников обороны Самарканда 1868 года во время Туркестанских походов Русской армии:

«Быть или не быть — вот вопрос, который разрешило утро 3 июня.

Часов с семи или восьми перестрелка стала разгораться. Неприятель закопошился. По улицам города были заметны оживленное движение и беготня. По временам у самых стен цитадели, в общем шуме, можно было различить делаемые неприятелем распоряжения и отдаваемые приказания. Сарты готовились к штурму.*

Вскоре, как и накануне, заревела труба, заиграли зурны, забили барабаны. Неприятель с криком «Ур!» («Бей!») бросился на стены цитадели. Его стрелки, засевшие в высоких двухэтажных саклях, наносили гарнизону громадный вред. Град камней сыпался на защитников с трех сторон. С трудом успевали убирать раненых и убитых и заменять их места. В особенности терпели люди, занимавшие сакли с правой стороны от ворот. Здесь окна и двери выходили на крыши городских саклей, взобравшись на которые неприятелю легко уже было попасть в цитадель. В двадцать минут одиннадцатого вышеупомянутые сакли были им заняты; на ворота произведен дружный натиск, и мешки, заслонявшие их, разбросаны; часть стены левее от ворот тоже перешла в руки осаждавших, которые почти в упор стреляли по защитникам; артиллеристы наши, по несчастной случайности, зарядили орудие порохом к дулу — выстрела не произошло; люди наши отшатнулись и столпились в улице, ведущей в Кок-

* Сарты — несколько размытое понятие, обозначающее часть населения Средней Азии в XV—XIX вв. В Ташкенте, Фергане, Хорезме, Южном Казахстане и других местах оно являлось самоназванием оседлого населения.

таш. Два-три человека из числа штурмующих бросились было к оставленному оружию и схватились за его колеса. Наступила грозная минута: солдаты наши стояли на месте, кричали «Ура!» и умирали...

Мужество подполковника Назарова и личный пример прапорщика Верещагина поправили дело. Последний, с ружьем в руках, во главе нескольких человек, бросился в сакли, занятые неприятелем, и штыками опрокинул его в город; остальные дружно ударили на ворота. Неприятель не выдержал натиска: им овладела паника, и несколько человек наших, выскочивших за ворота, стреляли по бегущим...»

Еще эпизод. Художник со своей молодой супругой путешествуют по Гималаям. Они отправляются в места, где до них проходили лишь несколько европейцев. И в какой-то момент возникает ситуация, когда смерть от холода кажется неизбежной: «Холод делался нестерпимым, мы лежали, съезжившись, перед огнем и, как я уже сказала, почти обжигались с одной стороны, в то время как другая мерзла и леденела. Мы стали просить последнего оставшегося с нами кули пойти навстречу своим товарищам и принести нам хоть что-нибудь теплое. Он сначала начисто отказался. Однако обещанием хорошей получки на водку его удалось убедить. Он пошел и тоже пропал! Мы остались одни посреди мертвой тишины».

Это отрывок из воспоминаний первой жены Василия Верещагина Елизаветы Фишер.

Вообще, Верещагин очень много путешествовал. И в подавляющем большинстве своем это не были курорты или рафинированные посещения достопримечательностей. А что уж говорить об экспедициях, которые были связаны с войной. Василий Васильевич нередко забирался в такие места, которые и сейчас, при совершенно фантастическом прогрессе средств связи и передвижения, выглядят далеко не самыми безопасными.

«Окружили! Преследуют!»

Рисунок В. В. Верещагина. Фототипия из книги Ф. И. Булгакова
«Василий Васильевич Верещагин и его произведения». 1896 г.

Василий Васильевич Верещагин-старший.

*Фото из книги А. В. Верещагина (брата художника)
«Дома и на войне. 1853—1881: Воспоминания и рассказы». 1886 г.*

Страсть к путешествию у него была, наверное, не меньшей, чем страсть к живописи. Уже упомянутые Гималаи и Тибет, Западный Китай и Семиречье*, Индия, Сирия и Палестина, Япония и Куба, не говоря уже о «более стандартных» Европе и Соединенных Штатах.

Откуда же такие наклонности и увлечения, такая страсть к живописи и путешествиям? В детстве этого, казалось бы, ничего «не предвещало». Верещагин появился на свет 14 (26) октября 1842 года в Череповце. В этот день местное дворянство собралось в доме своего предводителя, Василия Васильевича, чтобы отпраздновать его день рождения (такое вот совпадение — отец и сын, полные тезки, родились в один и тот же день). Во время шумного собрания и пришла весть о появлении второго сына в семье (у Василия Верещагина было три брата: старший Николай и младшие Сергей и Александр).

По губернским меркам родители Василия были людьми обеспеченными и уважаемыми — им принадлежали пять деревень и около 400 душ крепостных. По характеру же они были противоположностями. Анна Николаевна — наполовину татарка, подвижная, нервная и вспыльчивая, но при этом очень

* *Семиречье* — историческая и географическая область в Центральной Азии, расположенная между озерами Балхаш на севере, Сасыкколь и Алаколь на северо-востоке, хребтом Джунгарский Алатау на юго-востоке, хребтами Северного Тянь-Шаня на юге. Получила свое название от семи главных рек региона: Или, Каратала, Биена, Аксу, Лепси, Баскана, Сарканда.

Анна Николаевна Верещагина.

Фото из книги А. В. Верещагина «Дома и на войне. 1853—1881: Воспоминания и рассказы». 1886 г.

добрая женщина. Она оказала огромное влияние на формирование характера сына — ему, помимо добродушия, передались беспокойное воображение и необходимость буквально ежеминутного передвижения. Отец — иной типаж: как вспоминал художник, «человек с мещанской нравственностью, мягкий в общении, но при этом весьма непреклонный в решениях».

Художественная натура Верещагина начала проявляться еще в раннем детстве: «Сколько себя помню, — рассказывал Василий Васильевич, — я всегда любил рисовать все. Срисовывать начал едва ли не впервые еще дома, с платка, на котором отпечатана была “Тройка” с волками: волки гонятся за санями, с которых стреляют. Помню, что нянька моя Анна, которую я любил до безумия, одобряла меня за этот рисунок. Мне было тогда лет пять. Платок был куплен няньке от заезжавшего к нам иногда разносчика, на паре возов развозившего по окрестным помещикам все. Срисовывал я также и висевшие по стенам картинки. Родители и родные всегда удивлялись и в это время, и впоследствии, когда я стал подрастать, моим рисункам; но об отдаче меня в Академию художеств никогда не могло быть и речи, так как это было бы “срамно”».

Да, какие бы таланты не проявлял Василий и его братья, с точки зрения родителей, их судьба была определена — они должны были стать военными. И желания детей никто не спрашивал — так было положено. В 1850 году Василия определили в Александровский кадетский корпус, который тогда располагался в Царском Селе. Через три года отец перевел его в Морской кадетский корпус

Няня Анна (Анна Ларионовна Потайкина).
Рисунок В. В. Верещагина. 1883 г.

идею стать живописцем сумасшествием и в своем привычном нервном стиле говорила: «Подумай, Вася, хорошенько — ведь рисование не даст тебе хлеба и не введет в гостиные». Верещагин-старший непреклонно сказал, что лишит сына содержания, если тот пойдет в художники. Но упорство отца передалось, по-видимому, сполна сыну — Василий, вопреки всему, не хотел отказываться от своей мечты.

* * *

Так или иначе, в 1860 году Василий Верещагин поступил в Академию художеств, в класс заслуженного профессора живописи А. Т. Маркова. Денежный вопрос удалось решить с помощью Ф. Ф. Львова, который в свое время был попечителем Рисовальной школы, а с 1859 года стал конференц-секретарем Академии художеств, — юному художнику была обещана стипендия в 200 рублей в год. Некоторую помощь оказывал дядя, Алексей Васильевич Верещагин, да и отец в итоге сменил гнев на милость и помогал сыну деньгами (по прошествии лет отношения В. В. Верещагина с родителями наладились, и они безмерно гордились своим сыном).

Среди первых своих учителей Верещагин отмечал адъюнкт-профессора, известного исторического живописца Александра Егоровича Бейдемана. «Бейдеман, — вспоминал Василий Васильевич, — тогда еще свежий, был мне очень полезен. Он первый рядом наглядных примеров поколебал мою веру в необходимость “штриха”, чистоты и опрятности рисунка. Я стал рисовать грязнее и стал получать более далекие нумера [оценки]; однако за последние

в Санкт-Петербурге, где уже учился брат Николай (два младших брата также впоследствии учились в этом учебном заведении). В Морском корпусе Василий продолжал рисовать, но не так много, поскольку, как он сам вспоминал, «погоня за баллами и нежелание дать другим обогнать себя по классу брали у меня все время». Во время учебы Верещагин совершил свое первое заграничное путешествие — в ходе учебного плавания во Францию гардемарины посетили порты Бордо и Марсель.

В 1858 году, незадолго до окончания учебы, Василий записался вольноопределяющимся в Рисовальную школу Общества поощрения художников. Наконец пришло время выпуска из Морского корпуса — и практически сразу же новоиспеченный офицер подал в отставку. Василий страстно хотел поступить в Академию художеств. Но родители восприняли этот «выход из плоскости» в штыки. Мать называла

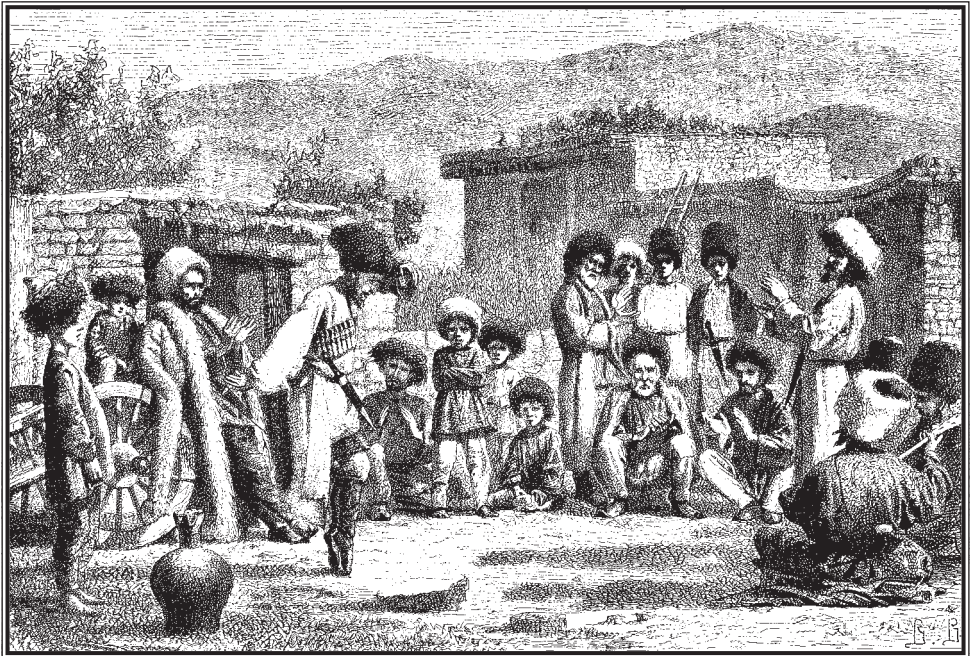

**Василий Верещагин во время обучения
в Морском кадетском корпусе**

два рисунка в гипсовых фигурах опять имел номер 1, первым же перешел и в натуральный класс».

Естественно, что в первые годы Василий был обязан работать в духе классицизма, ведь другого варианта в академии в те годы просто не было. В 1862 году он принялся за большое полотно «Избиение женихов Пенелопы возвратившимся Улиссом» — успех этой работы гарантировал бы Верещагину серебряную медаль и стипендию для поездки за границу. Картину он написал и даже медаль получил... но затем Верещагин разорвал полотно и бросил его в печку. На удивленные взгляды Бейдемана и соучеников он ответил: «А это для того, чтобы уже наверняка не возвращаться к этой чепухе!»

И снова очередная «блажь» — Василий отказался от привычного пути, в 1863 году бросил академию и Петербург и уехал на Кавказ. «На Кавказ я приехал,— вспоминал художник,— летом 1863 года. Чтобы сделать эту поездку, немало времени я питался одним молоком и хлебом и все-таки, приехав на Кавказ, оказался только с сотней рублей в кармане. По дороге в Тифлис и в Белом Ключе, где жил наместник, великий князь Михаил Николаевич, я, разумеется, много рисовал. Профессор Лагорио, состоявший при великом князе, очень обязательный и добрый человек, рекомендовал меня в семью начальника штаба армии, генерала А. П. Карцева, как учителя рисования». Впоследствии появились еще уроки. Это, с одной стороны, было хорошо, по-

Лезгинка (танец дагестанских горцев).

Рисунок В. В. Верещагина.

Фототипия из книги Ф. И. Булгакова

«Василий Васильевич Верещагин и его произведения». 1896 г.

сколько Василий был вполне обеспечен, но с другой — он мечтал рисовать как можно больше с натуры, а из-за уроков времени катастрофически не хватало: «Конечно, только молодость и свобода моя были причиной того, что эта масса уроков не задавила меня. Трудно передать, как я был живуч и как пользовался всяким получасом времени для наполнения моих альбомов».

В следующем, 1864 году отец прислал Василию 1000 рублей — с этими деньгами молодой живописец отправился в Париж и около года проучился в мастерской известного художника академического толка Жана Леона Жерома. Французский живописец пытался учить приезжего русского так, как когда-то учили его самого, делая упор на копировании классических произведений. Однако «строптивец» отказался: «Несмотря на все советы, — вспоминал Верещагин, — я настойчиво отказался копировать старые, пожелтевшие и почерневшие полотна Лувра». В итоге Василий уехал из Парижа и с тех пор не сделал ни одной копии — все, что он рисовал, было свое, оригинальное, верещагинское.

После Франции Верещагин снова отправился на Кавказ. «Я вырвался из Парижа, — рассказывал он друзьям, — точно из темницы, и принялся рисовать на свободе с каким-то остервенением». Художник путешествовал по Кавказу несколько месяцев, затем снова поехал во Францию и весной окончательно вернулся на родину, завершив таким образом свое официальное обучение.

* * *

В 1866 году Василий провел несколько месяцев в родительском имении, а сентябре 1867 года уехал в Туркестан. Эта поездка состоялась благодаря знакомству с туркестанским генерал-губернатором К. П. Кауфманом, который

прикомандировал художника к себе на службу с официальным титулом «состоящий при генерал-губернаторе прапорщик Верещагин».

В конце апреля 1868 года художник покинул Ташкент, в котором он жил до этого, и отправился в путешествие на юг, по направлению к Ходженту. Приблизительно на полдороге он остановился в большой киргизской деревне Бука и думал пожить и порисовать там довольно долго — но все неожиданно переменилось. Поползли слухи, что бухарский эмир собирается воевать с Россией. Несмотря на грозившую опасность, Верещагин устремился в древний Самарканд, который был взят русскими войсками 2 мая 1868 года. Вскоре в городе вспыхнуло восстание; немногочисленный русский гарнизон был осажден превосходящими силами противника. Вместе с ним Василий Васильевич выдержал тяжелую осаду Самарканда (подробно об этих событиях повествуется в очерке «Самарканд. 1868 год», опубликованном в нашем издании).

После Средней Азии Верещагин на некоторое время уехал в Европу, а весной 1869 года, после того как Кауфман и его штаб вернулись из похода, с его помощью решил устроить «Туркестанскую выставку». Она разместилась в доме министерства государственных имуществ. Выставка пользовалась интересом у публики, однако пока к рисункам Верещагина отношение было скорее как

Кабардинец.

Рисунок В. В. Верещагина.

Фототипия из книги Ф. И. Булгакова

«Василий Васильевич Верещагин и его произведения». 1896 г.

Апофеоз войны.

Рисунок В. В. Верещагина.

Фототипия из книги Ф. И. Булгакова

«Василий Васильевич Верещагин и его произведения». 1896 г.

к чему-то любопытному, а не действительно значимому с художественной точки зрения.

В том же 1869 году Василий Васильевич второй раз направился в Туркестан, затем путешествовал по киргизским степям и Семиречью, добравшись до границ с Китаем. «Я был в очень опасных свалках на китайской границе в наших набегах,— вспоминал он.— Тут однажды я даже сам отбивался и отбивал одного офицера от целой массы таранчей* карманным револьвером».

Подобные рассуждения, равно и то, что Верещагин прославился прежде всего как баталист, могут создать превратное впечатление: художник, мол, любил войну и готов был лезть в любую свалку. Что совершенно не так — ему претила война и тот факт, что люди готовы убивать друг друга ради малопонятных целей.

«В своих наблюдениях жизни,— рассуждал Василий Васильевич,— во время моих разнообразных странствий по белу свету я был особенно поражен тем фактом, что даже в наше время люди убивают друг друга повсюду под всевозможными предлогами и всевозможными способами. Убийство гуртом все еще называется войной, а убийство отдельных личностей называется смертной казнью. Повсюду то же самое поклонение грубой силе и та же самая непоследовательность... и это совершается даже в христианских странах во имя Того, чье учение было основано на мире и любви. Факты эти, которые мне приходилось наблюдать во многих случаях, произвели сильное впечатление на мою душу;

* Таранчи — устаревшее название илийцев (кульджийцев), этнографической группы уйгуров, в основном проживающих в Илийском крае.

обдумав тщательно этот сюжет, я написал несколько картин войны и казней. Я взялся за разработку этих сюжетов далеко не в сентиментальном духе, так как мне самому случалось убивать в различных войнах немало бедных своих ближних... Но вид этих груд человеческих существ, зарезанных, застреленных, обезглавленных, повешенных на моих глазах по всей области, простирающейся от границ Китая до Болгарии, неминуемо должен был показать живое влияние на художественную сторону замысла».

* * *

В 1871 году Верещагин уехал в Мюнхен — писать свою «Туркестанскую серию», теперь уже не только в виде рисунков и набросков, которые были выставлены в Петербурге, а большие полотна. Тогда были написаны такие картины, как «Апофеоз войны», «Портрет бачи», «Представляют трофеи», «Торжествуют», — всего в «Туркестанскую серию» вошло 13 картин, 81 этюд и 133 рисунка. В таком составе она была показана на персональной выставке Верещагина в 1873 году в Лондоне, а затем в 1874 году — в Санкт-Петербурге и Москве.

Как тематика, так и живописная техника работ Василия Васильевича были новы и необычны для своего времени и поначалу вызвали неоднозначную — и скорее негативную — оценку современников. С полотнами Верещагина лично ознакомился император Александр II и, согласно официальной записи, «очень резко выразил свое неудовольствие».

Тем не менее после окончания выставки «Туркестанская серия» в полном составе была куплена за 92 тысячи рублей серебром меценатом и основателем знаменитой галереи П. М. Третьяковым, а Академия художеств намеревалась присвоить Верещагину звание академика, от которого он гневно отказался (впоследствии Василий Васильевич отказывался от любых наград и званий, как связанных с его творчеством, так и за военные заслуги).

В Мюнхене Василий Васильевич познакомился с юной (ей едва исполнилось 16 лет) Элизабет Марией Фишер (в русской традиции — Елизаветой Кондратьевной). Она стала женой художника, однако достоверно неизвестно, состоялось ли официальное венчание и по какому обряду, или это был только гражданский брак. Елизавета Кондратьевна стала соавтором книги «Очерки путешествия в Гималаи г-на и г-жи Верещагиных», вошедшей в наше издание. К сожалению, супружеская жизнь в итоге не сложилась, и в 1890 году супруги окончательно разъехались.

В. В. Верещагин в 1872 году.
Из книги Ф. И. Булгакова
«Василий Васильевич Верещагин
и его произведения». 1896 г.

* * *

Еще до окончания выставки «Туркестанской серии» в Петербурге, в марте 1874 года, Верещагин вместе с женой отправился в путешествие по Индии и Тибету. Поездка выдалась очень непростой; представление о трудностях, испытанных четой Верещагиных, читатель может составить из отрывка, помещенного в самом начале данной статьи. Можно без преувеличения сказать,

**В. В. Верещагин во время
Русско-турецкой войны.**
Фотография. 1878 г.

что несколько раз Верещагины находились на грани жизни и смерти.

В Индии и Тибете художник пробыл почти два года. В 1876 году Василий Васильевич переехал в Париж, где в одном из пригородов строилась его новая мастерская. И здесь не обошлось без проблем, связанных прежде всего с недобросовестными подрядчиками. Только в начале 1877 года Верещагин смог-таки переехать в новый дом.

Тем временем в Европе разыгрывалась трагедия, связанная с желанием славянских народов освободиться от османского ига. Летом 1876 года турки жесточайшим образом подавили восстание в Болгарии, и тогда же Сербия, а затем Черногория объявили войну Турции. Верещагин не мог равнодушно взирать на происходящее: «Я бы давно уже уехал в Белград, — писал он своему другу, известному художественному критику и историку искусств В. В. Стасову, — кабы

не страшные хлопоты с постройкой мастерской, дразги, гадости, кляузничество. Впрочем, если перемирие заключат, может быть, и не поеду...»

Но перемирие заключено не было, Сербия и Черногория не смогли остановить наступление османов, а 12 (24) апреля 1877 года войну Турции объявила уже Россия. Узнав об этом, Василий Васильевич бросил все и ринулся на Балканы.

Решением командования Верещагин был причислен к составу адъютантов главнокомандующего Дунайской армией с правом свободного передвижения по войскам, но без казенного содержания. Почти в самом начале боевых действий художник получил тяжелейшее ранение. Он выпросил у лейтенанта Скрыдлова, командира миноносной лодки «Шутка», разрешение присоединиться к дерзкой атаке на большой турецкий пароход. Турки открыли сильный огонь по миноноске, и Верещагин получил пулю в бедро. Началось заражение, и несколько дней состояние художника было таким, что врачи не решались давать прогнозов. Но, к счастью, сильный организм справился, хотя в бухарестском госпитале Верещагину пришлось оставаться больше двух месяцев.

Художник вернулся в Париж в начале 1878 года. Во Франции он приступил к «Балканской серии» — как считают критики и биографы, самой резкой и бес-

Победители.

Фототипия по картине В. В. Верещагина из книги Ф. И. Булгакова
«Василий Васильевич Верещагин и его произведения». 1896 г.

компромиссной в его творчестве. В начале 1880 года он привез обе серии — «Индийскую» и «Балканскую» — на выставку в Санкт-Петербург.

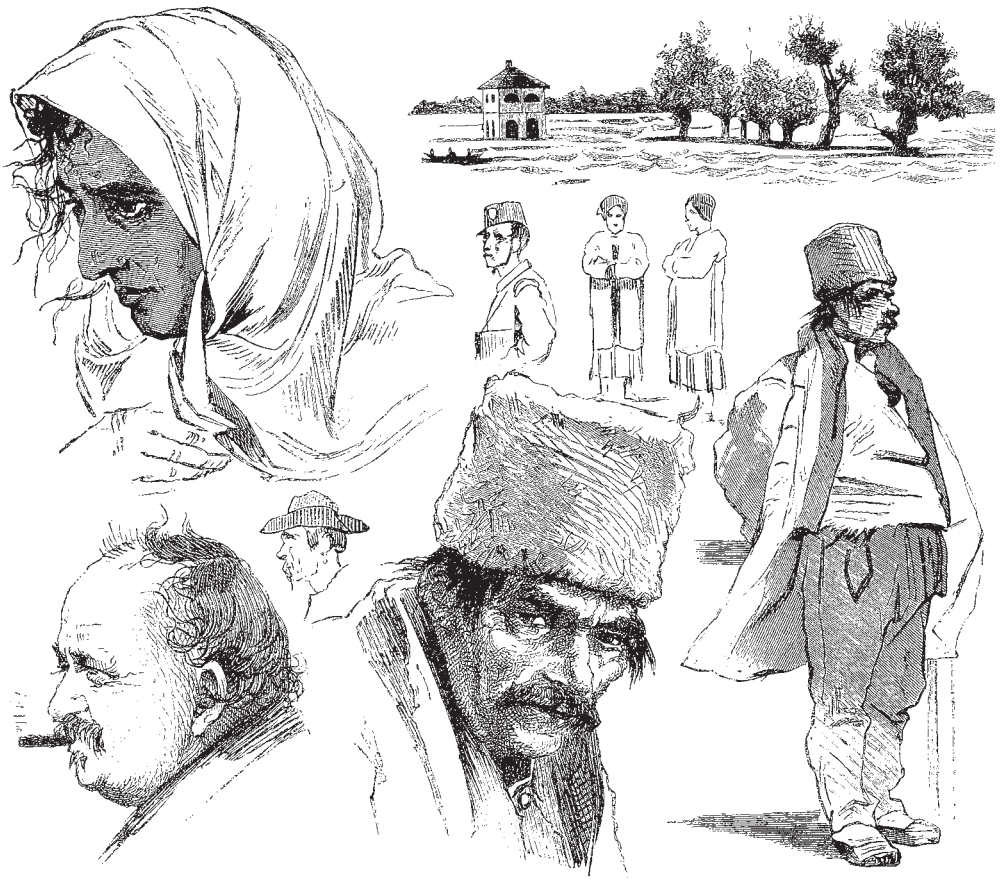
Успех был оглушительным, публика осаждала дом на Фонтанке, где были выставлены картины, и днем, и вечером, и едва ли не ночью. Негодовали разве что консерваторы, которым в творчестве Верещагина привычно виделся «подрыв устоев». После Петербурга экспозиции верещагинских картин в течение 1881—1882 годов прошли в Вене, Париже, Берлине, Дрездене, Гамбурге, Брюсселе.

Тем временем организм Верещагина снова подвергся серьезному испытанию, на этот раз в виде тяжелого приступа малярийной лихорадки. В письмах друзьям художник сетовал: «Я так был болен, что как будто из гроба вылез теперь».

В какой-то момент Василий Васильевич решил для себя, что больше не станет писать батальные картины. Но для творчества нужны новые впечатления, которые можно получить в путешествии. Верещагин решил, что наконец-то пришло время отправиться в большое путешествие по России. Однако из-за убийства Александра II в марте 1881 года в стране был усилен полицейский режим, и от этой идеи пришлось отказаться. «Затаскают по участкам и канцеляриям за разными дозволениями,— писал он Стасову.— По живости характера я способен буду кому-нибудь и в харю плюнуть, и в рожу дать».

В итоге Василий Васильевич решил снова отправиться в Индию. Официальная цель — писать пейзажи и местные костюмы по заказу принца Уэльского, который заинтересовался работами русского художника. Но это был лишь предлог. Верещагин задумал воплотить на холсте волновавший его еще с первого путешествия замысел — о жестоком подавлении англичанами восстания, вспыхнувшего в конце 1850-х годов.

Колониальные власти ему отнюдь не благоволити, скорее наоборот. «Не дикая ли это вещь,— жаловался Василий Васильевич,— что до сих пор к писанию

Из альбома набросков, сделанных В. В. Верещагиным
во время путешествия по придунайским землям

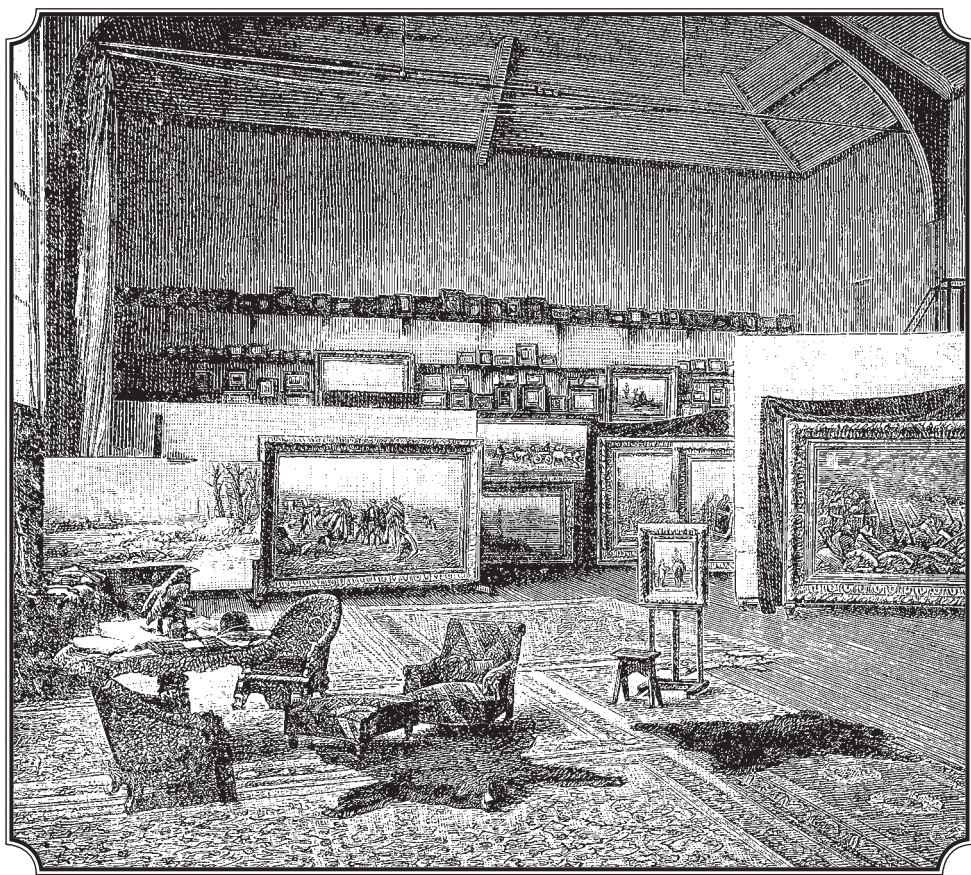
относятся так враждебно и подозрительно. В Индии меня считают (большинство) за агента русского правительства, а русское правительство, в особенности сам, считают меня за агента революционеров и поджигателей; недостает только, чтобы заподозрили во мне английского агента, несмотря на мою национальность. Кабы не наш белый террор, с каким бы удовольствием покатил я по России, сколько планов составил, но вижу, что теперь это немыслимо.»

На рубеже 1883—1884 годов Верещагин вместе с Елизаветой Кондратьевной отправился в новое путешествие — по Сирии и Палестине. Целью поездки было посещение святых мест и создание этюдов для задуманной художником серии картин о зарождении христианства. Этот евангельский цикл составили шесть картин: «Святое семейство», «Иисус с Иоанном Крестителем на Иордане», «Иисус в пустыне», «Христос на Тивериадском озере», «Пророчество» и «Воскресение Христово». Написанию этих картин художник посвятил остаток 1884-го и часть 1885 года, работая в своей мастерской в пригороде Парижа Мезон-Лаффит.

Затем было европейское турне, связанное с проведением выставок, — Вена, Лейпциг, Кенигсберг, Амстердам, Стокгольм. Верещагина давно, начиная с 1881 года, звали в Соединенные Штаты. Наконец соглашение о проведении

выставки было достигнуто, и в 1888 году художник отправился на пароходе «Этрурия» из Ливерпуля в Нью-Йорк. Выставка Верещагина, равно как и он сам, вызвали большой интерес у американцев: Василий Васильевич, среди прочего, был удостоен короткой аудиенции у президента Гровера Кливленда («церемония, — вспоминал живописец, — проста и непритязательна: нет ни расшитых лакеев, ни ожидания с перешептыванием»), а также познакомился со знаменитым изобретателем Томасом Эдисоном. Нью-Йорк Верещагина приятно удивил. В воспоминаниях он отмечал снобизм, характерный для европейцев по отношению к городу Большого Яблока: «Во всех читанных до того времени описаниях и слышанных рассказах сквозило точно желание старшего брата подтрунивать над младшим, его обгоняющим и, пожалуй, во многом уже обогнавшим».

В те годы существовало такое явление, как музыкальное сопровождение художественных выставок. Верещагин обратился в Московское филармоническое общество с просьбой найти исполнителя для работы в Соединенных Штатах. Несмотря на неплохие финансовые условия, желающих уехать за океан на достаточно долгий срок не нашлось. Наконец пришло согласие от 23-летней пианистки Лидии Васильевны Андреевской. Так что именно в Америке состоялось первое знакомство уже знаменитого художника и тихой молодой женщины из семьи со скромным достатком.

Мастерская-студия В. В. Верещагина в Мезон-Лаффите.

Гравюра по фотографии. 1888 г.

*В. В. Верещагин. Стена Соломона. 1885 г. Фототипия из книги Ф. И. Булгакова
«Василий Васильевич Верещагин и его произведения». 1896 г.*

Весной 1889 года Василий Васильевич вернулся в Санкт-Петербург. Осенью того же года из-за океана приехала Лидия. В это время Верещагин осознавал, что жизнь с Елизаветой Фишер становится все более невыносимой, тем более что появились небезосновательные подозрения в ее неверности. В итоге художник разъехался с первой женой и стал жить с Лидией Андреевской. В 1890 году у них родилась дочь Лидия (она умерла спустя шесть лет; у Верещагина и Андреевской впоследствии появились на свет сын Василий и две дочери — Анна и девочка, которую также называли Лидией). Василий Васильевич был убежденным атеистом, но все же поддался на уговоры родственников Андреевской, и 7 июля 1893 года в Вознесенской церкви города Владимира состоялось их венчание.

* * *

В начале 1890-х годов Верещагин решил еще на одну важную перемену в своей жизни — он продал имение в Мезон-Лаффите и купил участок на окраине подмосковной деревни Нижние Котлы; здесь по собственному проекту Василий Васильевич построил дом для своей новой семьи и мастерскую.

Обустройство семейной жизни позволило художнику вновь заняться творчеством и путешествиями. Он наконец-то мог позволить себе большое путешествие по России, а именно по Русскому Северу. Было решено отправиться в водную экспедицию по Северной Двине, поскольку Верещагина привлекали построенные на ее берегах деревянные храмы. Василий Васильевич не хотел расставаться с родными, и в поездке его сопровождали жена (на тот момент беременная третьим ребенком) и дочь. Соответственно, нужно было обеспечить комфортное плавание, для чего в Сольвычегодске была заказана барка-яхта

с каютой и кухней. 26 мая 1894 года приготовления были окончены и Верещагины отправились в путь. Помимо Северной Двины, они путешествовали по Пинеге, Белому морю, посетили Соловки.

Еще в 1887 году художник начал писать серию картин, посвященную событиям 1812 года. Центральным образом стал Наполеон Бонапарт, а свою главную задачу Верещагин видел так: «Свести образ Наполеона с того пьедестала героя, на который он внесен». Работа над серией затянулась — и из-за семейных проблем, и потому, что Василий Васильевич очень ответственно подошел к задаче и проделал огромную исследовательскую работу. На основе своих изысканий он даже написал книгу «Наполеон I в России. 1812 год. Пожар Москвы.— Казаки.— Великая армия.— Маршалы.— Наполеон». Здесь нужно отметить, что Верещагин обладал незаурядным литературным талантом и за свою жизнь выпустил 12 книг — путевых заметок, публицистических изданий и художественной прозы.

«Наполеоновская серия» была впервые выставлена в 1895—1896 годах в Москве и Санкт-Петербурге — и вызвала немало негативных отзывов. Нет, в художественном мастерстве Верещагина никто не сомневался, но и критика и общество с трудом воспринимали «ужасный лик благородной войны» и задавались вопросом: «Разве такого Наполеона мы хотели видеть?» Василий Васильевич рассчитывал, что правительство купит 20 картин, но, когда с этим вопросом обратились к Николаю II, тот распорядился приобрести... одну картину. Естественно, такое абсурдное решение никак не устраивало художника. И только в преддверии столетнего юбилея войны 1812 года правительство, не без давления со стороны общественного мнения, буквально вынуждено было приобрести «Наполеоновскую серию» целиком.

Наполеон на Бородинских высотах.

Фототипия по картине В. В. Верещагина из альбома
«Нашествие Наполеона. Отечественная война 1812 года». 1911 г.

Александр Васильевич Верещагин —
брат художника В. В. Верещагина; генерал-лейтенант, писатель.
Фотография. 1886 г.

Эти неурядицы отложили очередное путешествие Верещагина. Наконец финансовые проблемы были хотя бы отчасти улажены, и 2 января 1901 года Василий Васильевич на корабле «Саратов» отправился из Одессы во Владивосток. Дальнейшей его целью были Филиппины и Китай. 24 января пароход прибыл в Коломбо, а затем, через Малаккский пролив, взял курс на Сингапур. В Сингапуре Верещагину пришлось немного задержаться — «Саратов» следовал дальше в Порт-Артур, а Василий Васильевич должен был пересесть на другой пароход, который доставил бы его в Манилу. Однако оказия долго не подворачивалась; наконец Верещагину удалось взять билет на «Чинг-Мей» — древнюю тихоходную «пробку», как назвал судно художник. Путешествие на «Чинг-Мей» оказалось не из легких: «Море, не будучи, что называется, бурным, порядочно-таки давало о себе знать, — вспоминал Василий Васильевич, — «пробку» бросало до того, что трудно было ходить по палубе, и я больше лежал в маленькой кают-компани».

Это не была увеселительная прогулка: Верещагин — пусть и не как участник, а свидетель — отправлялся на очередную войну. Американско-филиппинская

война, начавшаяся после того, как в 1898 году Испания передала Соединенным Штатам Филиппины, Гуам, Кубу и Пуэрто-Рико, шла к своему концу, однако сражения еще были в самом разгаре.

Зачем эта чужая, по сути, война была нужна Верещагину, который остро переживал разлуку с семьей и плохо переносил тропический климат? Дело в том, что Институт искусств в Чикаго сделал ему очень выгодное предложение — устроить еще одну выставку в США. И художник, чье финансовое состояние (прежде всего из-за так и не проданной еще «Наполеоновской серии») было на тот момент далеко не блестящим, был вынужден согласиться. Но что везти в Америку? Можно взять те же картины о войне 1812 года, индийские сюжеты, некоторые картины, написанные на Русском Севере. Однако этого было мало. Американцев нужно было чем-то заинтересовать — собственно, ради этого Верещагин поехал на Филиппины и пробыл там около трех месяцев. Задачу свою он выполнил, хотя очевидно, что написанные на Филиппинах картины не оставили заметного следа в его творчестве. После Филиппин Василий Васильевич отправился в Соединенные Штаты. Выставка в Чикаго прошла успешно — ее посетили около 65 тысяч человек; Верещагин снова был удостоен аудиенции у президента США, на этот раз у Теодора Рузвельта. Затем была Куба — Гавана, Сантьяго, холмы Сан-Хуан, на которых Теодор Рузвельт, тогда еще полковник и командир отряда «Мужественные всадники», воевал с испанцами.

* * *

После долгого отсутствия Верещагин вернулся домой... и фактически сразу начал подготовку к новому путешествию. Художник уже давно хотел посетить Японию, его влекла японская культура — и вот наконец представился удобный случай увидеть Страну восходящего солнца.

Впрочем, случай, может быть, и удобный, но момент не самый подходящий — отношения между Россией и Японией стремительно портились. В русском обществе царили откровенно шапкозакидательские настроения: мол, в случае чего, побьем японцев одной левой. Верещагин же прекрасно понимал, насколько Япония — сильный и опасный противник. «По газетам судя, — писал он жене, — в Японии часты собрания врагов России, требующих войны с нами, считая теперешний момент для открытия военных действий за наиболее удобный и подходящий. Теперь стоит во Владивостоке половина нашего флота — остальное осталось в Порт-Артуре. Там никого из иностранцев не пускали смотреть наши корабли, и теперь, когда они стоят на Владивостокском рейде, все бросились разведывать, что у нас за флот... По всем отзывам, у Японии и флот, и сухопутные войска очень хороши, так что она, в том нет сомнения, причинит нам много зла. Первое время они натворят чудес, потому что обозлены и поведут войну беспощадно; на это последнее наша добродушная нация не способна и, конечно, будет стараться “не очень вредить”. У них все готово для войны, тогда как у нас ничего готового — все надобно везти из Петербурга».

Но, несмотря на напряженность, поездка Верещагина по Японии прошла в целом успешно. Разве что ее пришлось завершить раньше срока — работники российского посольства настоятельно посоветовали Василию Васильевичу покинуть страну...

Столь ожидаемая война началась неожиданной атакой японцев на рейд Порт-Артура 27 января (9 февраля) 1904 года — этот парадокс был, как извест-

но, не последним в отечественной истории. Для себя Верещагин давно решил, что если «драка» начнется, то его место — в действующей армии. Вопрос этот был решен через друга Василия Васильевича генерала А. Н. Куропаткина, назначенного командующим Маньчжурской армией.

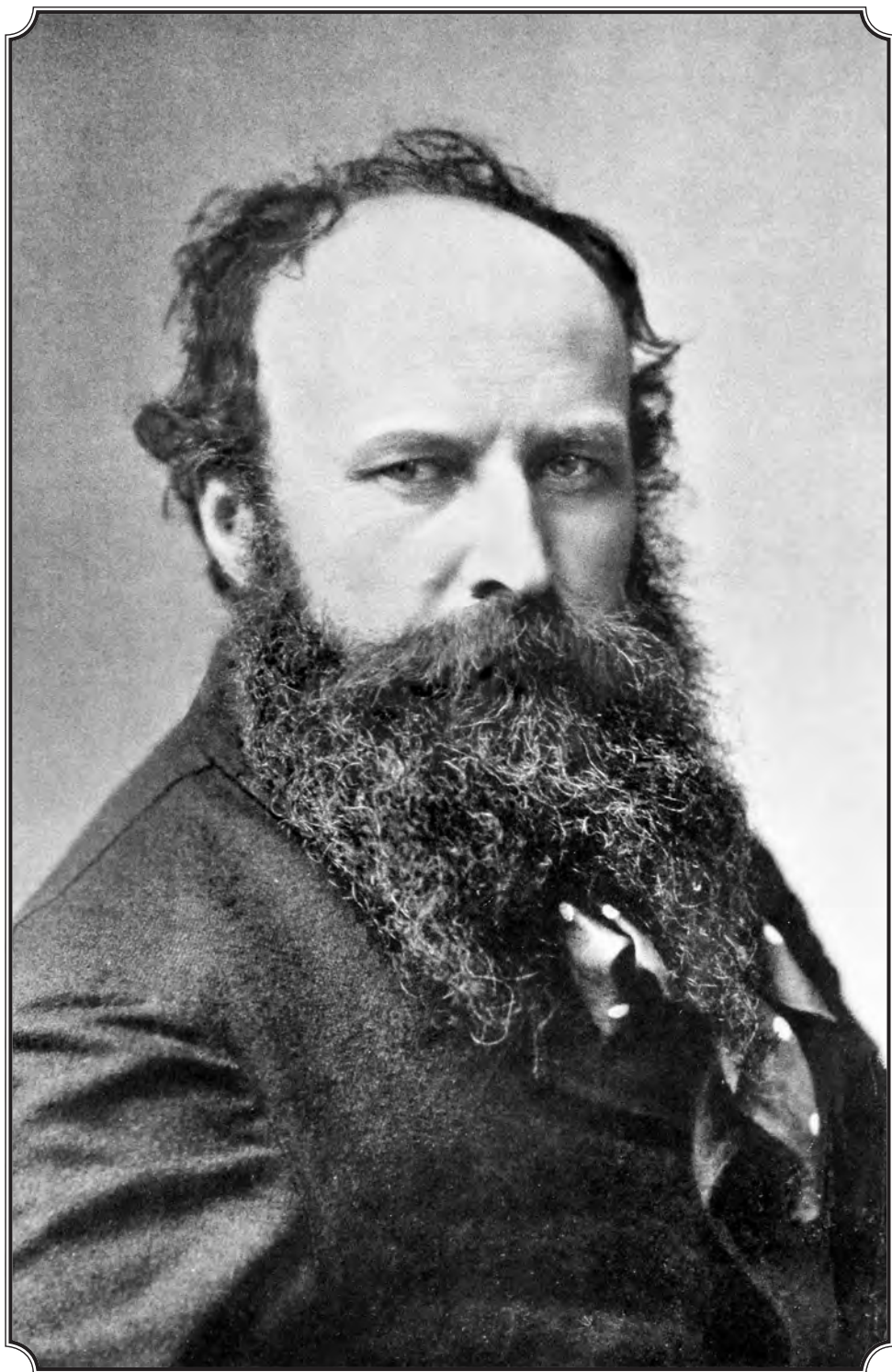
Отъезд Василия Васильевича на фронт был назначен на 28 февраля. Этот день хорошо запомнился его сыну Василию, которому тогда едва исполнилось 11 лет: «Рано утром отец встал, напился чая, позавтракал, простился с каждым из служащих в усадьбе, а потом прощался с матерью. Меня и сестер подняли ранее обычного и еще до утреннего завтрака, перед восемью часами, позвали к отцу в мастерскую. Матери там не было. Она была в таком ужасном душевном состоянии, что уже не владела своими нервами и осталась в своей комнате. Отец встретил нас у дверей, поздоровался и молча прошел с нами к широкому, низкому плюшевому креслу, в котором отдыхал во время кратких перерывов в работе. Он сел, а мы, как всегда, прилепились к нему: я и средняя сестра сели по обеим сторонам на мягкие ручки кресла, а младшая — на колени.

Отец был, по-видимому, крайне взволнован и только молча прижимал нас к себе и нежно гладил по головам. Его волнение передалось и нам. Мы также молчали, крепко прижимаясь к нему. Через минуту молчания он начал говорить тихим голосом, переходившим постепенно в шепот. Он говорил нам, что уезжает надолго, что не знает, когда вернется, и просил, чтобы мы любили и слушались маму, любили друг друга, не ссорились, хорошо учились, были честными и всегда говорили только правду. Потом отец крепко обнял и поцеловал каждого из нас, встал, отвел нас в столовую и, сказав, чтобы мы пили свой утренний чай, вышел в переднюю, быстро оделся, и мы услышали, как хлопнула дверь парадного входа.

Окно столовой выходило на противоположную от двора сторону, и экипажа не было видно. Находившиеся в столовой сестрина няня и старая кухарка Авдотья тихо между собой перешептывались. Одни из трех дверей столовой вели в короткий коридор, соединявший главное здание с кухней. Вдруг мы услышали быстрые шаги отца, который прошел через кухню и коридор, открыл дверь и остановился на пороге столовой. Мы все трое вскрикнули: «Папочка!» — и вскочили, чтобы бежать к нему. Но он молча замахал на нас обеими руками, и мы в испуганном недоумении остановились. Отец стоял на пороге, лицо его выражало страшное волнение, а глаза, в которых блестели слезы, он быстро переводил с одного из нас на другого. Продолжалось это не более одной или двух секунд, после чего он резко повернулся и вышел. То были последние мгновения, в течение которых мы его видели. Старая кухарка покачала сокрушенно головой и громким шепотом сказала: «Вернулся! Ох, нехорошо это! Не быть добру!»»

* * *

Уже в Порт-Артуре Верещагин познакомился со знаменитым военачальником и полярным исследователем адмиралом Макаровым, который с началом войны был назначен командующим Тихоокеанской эскадрой. 30 марта Василий Васильевич отправил из Порт-Артура письмо жене, в котором сообщал: «Сейчас еду на адмиральский корабль “Петропавловск”, с которого вот уже три ночи ездил на сторожевое судно встречать брандер, но без успеха. Хочу

Василий Васильевич Верещагин.
Фотография. 1880-е гг.

поехать и сегодня. Вчера выходили в море, но неприятеля не видели. Я подбиваю Макарова пойти подальше, но не знаю, согласится ли...»

На следующий день, как и писал Верещагин, эскадра вышла в море. Командующий японским флотом адмирал Того сначала попытался заблокировать противника в гавани Порт-Артура с помощью брандеров, однако безрезультатно. Тогда Того применил другую тактику — он приказал провести скрытное минирование подходов к Порт-Артуру, чтобы затем выманить Тихоокеанскую эскадру на «приманку» из крейсеров. Японский отряд, проводивший минирование, был обнаружен, однако не атакован, поскольку Макаров и его приближенные решили, что это отправленные в дозор русские миноносцы.

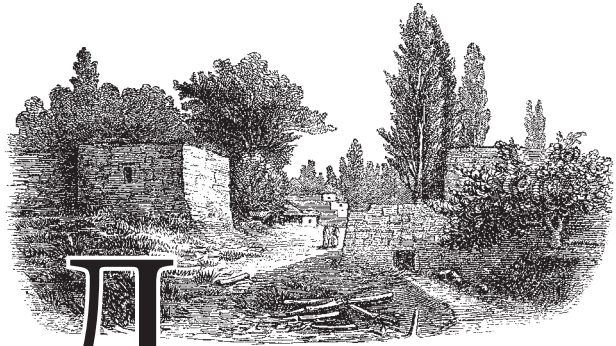
Ранним утром 31 марта миноносец «Страшный» отстал от основных сил, был атакован превосходящими силами японцев и погиб. Макаров повел эскадру к месту гибели «Страшного», не приказав при этом протралить рейд. Флагманскому броненосцу «Петропавловск», на котором находился Верещагин, и другим кораблям сначала удалось успешно пройти минное поле. После атаки на японские миноносцы на горизонте показались их главные силы, и Макаров приказал отвернуть к Порт-Артуру. Затем, когда к эскадре присоединились броненосцы «Победа» и «Пересвет», он снова повел свои силы на японцев.

В 9:43 в носовой части «Петропавловска» с правого борта раздался взрыв. Сдетонировал боезапас; через минуту корабль погрузился в воду носовой частью. Затем взорвались котлы, после чего «Петропавловск» разломился на две части и практически мгновенно ушел под воду. С других кораблей были спущены шлюпки, чтобы спасти оказавшихся в воде людей. Удалось спасти 80 человек. Около 650 человек (точные данные в источниках разнятся), в том числе В. В. Верещагин и С. О. Макаров, погибли.

На смерть Верещагина отозвались не только в России. Даже в Японии отдали дань погибшему русскому художнику. Среди прочих, удивительно точную характеристику жизни и смерти В. В. Верещагина дал японский писатель Кайдзан Накадзато: «Так же, как и Толстой, который ведет пропаганду мира силой слова, Верещагин кистью старался показать людям, что война — самая ужасная, самая нелепая вещь на свете. Огромный его талант особенно сильно проявился в такого рода картинах, где он пытается внушить людям необходимость мира. Он не искал военных наград, он хотел показать людям трагедию и глупость войны, и сам пал ее жертвой. Он пожертвовал своей жизнью ради своего призвания художника... Мы завидуем России, где живет Толстой, а узнав о смерти Верещагина, мы не можем еще раз не почувствовать к этой стране уважения и почтения».

ИЗ ПУТЕШЕСТВИЯ ПО СРЕДНЕЙ АЗИИ

Для начала несколько слов о невольничьих караван-сараях и торговле рабами. Правда, хотя ни невольничьих караван-сараяев, ни торговли рабами теперь уже не существует в Ташкенте, тем не менее сказать кое-что по этому поводу будет, думаю, нелишне и небезынтересно.

Здания для этой торговли в городах Средней Азии устраиваются так же, как и все караван-сарай, только разделяются они на большее число маленьких клетушек, с отдельной дверью в каждую; если двор большой, то посередине его навес для вьючного скота; тут же большей частью помещается и продажный люд, между которым малонадежные привязываются к деревянным столбам навеса. Народа всякого на таких дворах толкается обыкновенно много: кто покупает, кто просто глазеет.

Покупающий расспросит *товар*: что он умеет делать, какие знает ремесла и т. п. Затем поведет в каморку и там при хозяине осмотрит, нет ли каких-нибудь телесных недостатков или болезней. Женщины молодые большей частью на дворе не выставляются, а осматриваются в каморках и осматриваются не самим покупателем, а опытными пожилыми знахарками.

Цены на людей, разумеется, различны, смотря по времени и большему или меньшему приливу «товара». Под осень обыкновенно торг этот идет шибче, и в городе Бухаре, например, в это время в каждом из десятка имеющихся там невольничьих караван-сараяев бывает, как мне говорили, от 100 до 150 человек, выставленных на продажу. Так как больше всего доставляют рабов Средней Азии несчастные, смежные с туркменскими племенами персидские границы, то удачи или неудачи охотничьих подвигов туркменцев в этих местах главным образом устанавливают цену на рабов в Хиве, Бухаре и в Коканде. Но иногда войны и неизбежные при этом обращения в рабство всех пленных, если они не мусульмане суннитского толка (в противном случае — захват и перепродажа всех рабов побежденной стороны), значительно и разом на всех этих рынках изменяют цены: в таких случаях человек идет за очень дешевую цену — за несколько десятков рублей, иногда даже за 10 рублей.

Вообще, мужчин в продаже гораздо больше, чем женщин, между прочим потому, что туркмены, продавая охотно мужчин, больше удерживают у себя женщин. Красивая молодая женщина стоит очень дорого, рублей до 1000 и более.

Дорого также стоят хорошенькие мальчики: на них огромный спрос во всей Средней Азии. Мне случалось слышать рассказы бывших рабов-персиян о том,

как еще маленькими они были захвачены туркменами: одни в поле, на работе, вместе с отцом и братьями; другие просто на улице деревни среди белого дня, при бессильном вое и крике трусливого населения. Истории следующих затем странствований, перехода этих несчастных из рук разбойника-туркменца в руки торговца рабами и отсюда в дом купивших их крайне печальны, и нельзя не порадоваться, что благодаря вмешательству русских этот грязный омут стал, видимо, прочищаться.

Влияние русское на торговлю рабами сказалось в трех наиболее выдающихся фактах: во-первых, вообще уменьшилось число рабов, потому что во всей присоединенной к России стране они сделались свободными. Во-вторых, вообще уменьшился спрос на новых рабов, потому что во все эти новоприобретенные страны нет более их сбыта, а в такие города, как Ташкент, Ходжент, Самарканд и другие, сбыт их был не мал. В-третьих, торговля эта значительно упала, уменьшилась в размере и во всех соседних варварских государствах Средней Азии по тому простому и не лишнему смыслу предположению, что русские не сегодня-завтра могут пожаловать в каждое из них, и так как в каждом из них хорошо знают, что рабов русские немилосердно освобождают, то и все покупки, и сделки этого рода принимают теперь малонадежный, неблагодарный вид.

Но не одни только, так сказать, официальные рабы вздохнули теперь свободнее — всякого рода бедность и загнанность начинают смело смотреть в глаза капиталу, знати, могуществу, чувствующим оттого немалое смущение.

А другой сорт рабов, который не поименован так обидно ни в одном учебнике, но который тем не менее представляет самый ужасный вид невольничества, — матери, жены, дочери среднеазиатских дикарей — разве не испытывает медленного, но неотразимого влияния на их положение и судьбу кяфирских* законов и всех кяфирских порядков? Без сомнения, да, и, чтобы не ходить далеко, достаточно послушать осторожные, но горькие жалобы, которые изливает в беседе со мной хозяин моего дома, старик-аксакал:

— Последние дни приходят! — говорит он и машет отчаянно рукой.

— Что так?

— Да как же! Чего же еще ожидать, и жену свою муж не поучи: станешь бить — страшает, что к русским уйдет...

В самом деле, как не смутиться азиату, когда его собственность, его вещь, правильно приобретенная, законно закабаленная, начинает заявлять о каких-то своих правах и прежде всего о праве не быть по произволу битой! Как не огорчиться таким расколом и как не угадать виновников всей этой ереси!..

О незаслуженно униженном положении восточной женщины было уже говорено немало многим множеством путешественников, и здесь повторять общих мест не буду; скажу только, что судьба женщины в Средней Азии, говоря вообще, еще печальнее судьбы ее сестры в более западных странах, каковы Персия, Турция и другие. Еще ниже, чем у последних, ее гражданское положение, еще сильнее замкнутость и отверженность от ее властителя-мужчины, еще теснее ограничение деятельности одной физической, животной стороной, если можно так выразиться. С колыбели запроданная мужчине, неразвитым, неразумным ребенком взятая им, она, даже в половом отношении, не живет полной жизнью, потому что к эпохе сознательного зрелого возраста уже успевает состариться, задавленная нравственно ролью самки и физически работой вьючной скотины. Все умственное движение, все развитие может сказываться поэтому только в самых низших проявлениях

* *Кяфир* — неверный. (Примеч. автора.)

Торговец рабами из Шахрисабза.

Гравюра по рисунку В. В. Верещагина. Вторая половина XIX в.

человеческого ума — в интриге, сплетне и т. п., зато и удивляться нечего, что они интригуют, сплетничают...

Такое крайне униженное положение женщин составляет главную причину, между прочим, одного ненормального явления, каким представляется здешний *бача*. В буквальном переводе «бача» значит «мальчик», но так как эти мальчики исполняют еще какую-то странную и, как я уже сказал, не совсем нормальную роль, то и слово «бача» имеет еще другой смысл, неудобный для объяснения.

В бачи-плясуны поступают обыкновенно хорошенькие мальчики, начиная лет с восьми, а иногда и более. Из рук неразборчивых в добывании денег родителей ребенок попадает в руки к одному, двум, иногда и многим поклонникам красоты, отчасти немножко и аферистам, которые с помощью старых, окончивших свою карьеру плясунов и певцов выучивают этим искусствам своего питомца и раз выученного нянчат, одевают, как куколку, нежат, холят и отдают за деньги на вечера желающим для публичных представлений.

Такие публичные представления — *тамаша* — мне случилось видеть много раз, но особенно осталось в памяти первое мною виденное, бывшее у одного богатого купца С. А. Тамаша даются почти каждый день в том или в другом доме

Обожатели бачи.

Гравюра по картине В. В. Верещагина. 1867—1868 гг.

Эта картина из «Туркестанской серии» была сожжена автором. Причины такого поступка достоверно неизвестны, однако очевидно, что ритуал угощения мальчи-

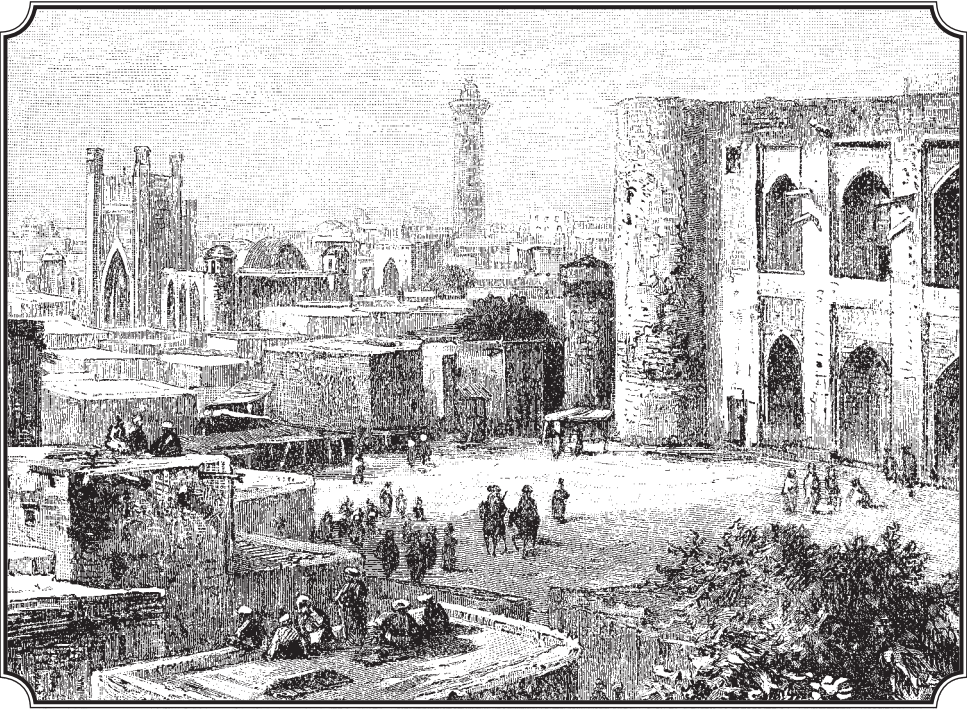
ка-танцора престарелыми поклонниками не подходил под представления тогдашней публики о «прекрасном и чарующем» Востоке.

Сарт.
Рисунок В. В. Верещагина

города, а иногда и во многих разом, перед постом главного праздника Байрама, когда бывает наиболее всего свадеб, сопровождающихся обыкновенно подобными представлениями. Тогда во всех концах города слышны стук бубен и барабанов, крики и мерные удары в ладоши, под такт пения и пляски бачи. Имея еще в городе мало знакомых, я просил С. А. нарочно устроить тамаша, и однажды поздним вечером, по уведомлению его, что представление приготовлено и скоро начнется, мы, компанией в несколько человек, отправились к нему в дом.

В воротах и перед воротами дома мы нашли много народа; двор был набит битком; только посередине оставался большой круг, составленный сидящими на земле, чающими представления зрителями. Все остальное пространство двора — сплошная масса голов; народ во всех дверях, по галереям, на крышах (на крышах больше женщины). С одной стороны круга, на возвышении, музыканты — несколько больших бубнов и маленькие барабаны; около этих музыкантов, на почетное место, усадили нас, к несчастью для наших ушей. Двор был освещен громадным нефтяным факелом, светившим сильным красным пламенем,

Улица в Ходжене.

Гравюра из иллюстрированного издания «Живописная Россия». 1885 г.

которое придавало, вместе с темно-лазуревым звездным небом, удивительный эффект сцене.

— Пойдемте-ка сюда,— шепнул мне один знакомый сарт, подмигнув глазом, как это делается при предложении какого-нибудь запретного плода.

— Что такое, зачем?

— Посмотрим, как бачу одевают.

В одной из комнат, двери которой, выходящие на двор, были, скромности ради, закрыты, несколько избранных, большей частью из почетных туземцев, почтительно окружали бачу — прехорошенького мальчика, одевавшегося для представления. Его преображали в девочку: подвязали длинные волосы в несколько мелко заплетенных кос, голову покрыли большим светлым шелковым платком и потом, выше лба, перевязали еще другим, узко сложенным, ярко-красным. Перед бачой держали зеркало, в которое он все время кокетливо смотрелся.

Толстый-претолстый сарт держал свечку, другие благоговейно, едва дыша (я не преувеличиваю), смотрели на операцию и за честь считали помочь ей, когда нужно было что-нибудь подправить, поддержать. В заключение туалета мальчику подчеркнули брови и ресницы, наклеили на лицо несколько мушек — *signes de beauté** — и он, действительно преобразившийся в девочку, вышел к зрителям, приветствовавшим его громким, дружным, одобрительным криком.

Бача тихо, плавно начал ходить по кругу; он мерно, в такт тихо вторивших бубнов и хлопков зрителей в ладоши выступал, грациозно изгибаясь телом, играя руками и поводя головой. Глаза его, большие, красивые, черные, и хорошенький рот имели

* Знаки красоты (фр.).

какое-то вызывающее выражение, временами слишком нескромное. Счастливицы из зрителей, к которым обращался бача с такими многозначительными взглядами и улыбками, таяли от удовольствия и в отплату за лестное внимание принимали возможно униженные позы, придавали своему лицу подобострастные, умильные выражения. «Радость моя, сердце мое», — раздавалось со всех сторон. «Возьми жизнь мою, — кричали ему, — она ничто перед одной твоей улыбкой» и т. п.

Вот музыка заиграла чаще и громче; следуя ей, танец сделался оживленнее; ноги — бача танцует босиком — стали выделять ловкие, быстрые движения; руки змеями завертелись около заходившего корпуса; бубны застучали еще чаще, еще громче; еще быстрее завертелся бача, так что сотни глаз едва успевали следить за его движениями. Наконец при отчаянном треске музыки и неистовом возгласе зрителей воспоследовала заключительная фигура, после которой танцор — или танцовщица, как угодно, — освежившись немного поданным ему чаем, снова тихо заходил по сцене, плавно размахивая руками, раздавая улыбки и бросая направо и налево свои нежные, томные, лукавые взгляды.

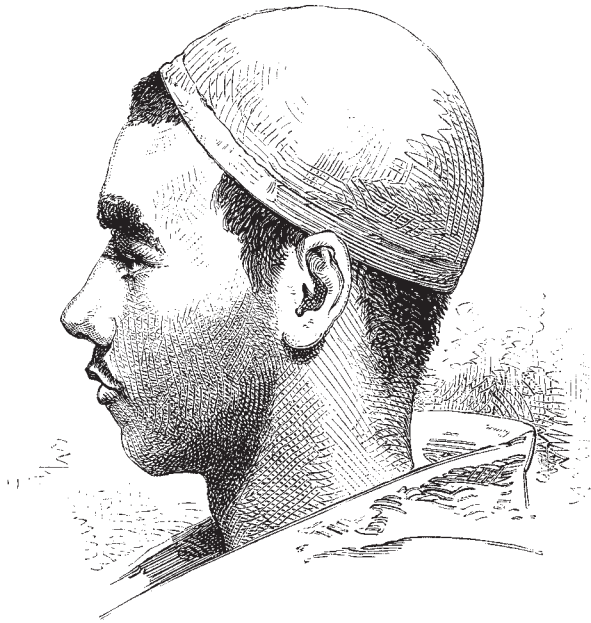
Чрезвычайно интересны музыканты: с учащением такта танца они еще более, чем зрители, приходят в восторженное состояние, а в самых сильных местах даже вскакивают с корточек на колени и донельзя яростно надрывают свои и без того громкие инструменты. Бачу-девочку сменяет бача-мальчик, общий характер танцев которого мало разнится от первых. Пляска перемежается пением оригинальным, но и монотонным, однообразным, большей частью грустным! Тоска и грусть по милтому, неудовлетворенная, подавленная, но восторженная любовь и очень редко любовь счастливая служат обыкновенными темами этих песен, слушая которые туземец пригорюнится, а подчас и всплакнет.

Интереснейшая, хотя неофициальная и не всем доступная часть представления начинается тогда, когда официальная, т. е. пляска и пение, окончилась. Тут начинается угощение бачи, продолжающееся довольно долго, — угощение очень странное для мало знакомого с туземными нравами и обычаями. Вхожу я в комнату во время одной из таких закулисных сцен и застаю такую картину: у стены важно и гордо восседает маленький бача; высоко вздернув свой носик и прищулив глаза, он смотрит вокруг надменно, с сознанием своего достоинства. От него вдоль стен, по всей комнате, сидят на коленях, поджав ноги, один возле другого сарты разных

Сартские золотые украшения.

Гравюра из иллюстрированного издания «Живописная Россия». 1885 г.

Молодой сарт.

*Гравюра по рисунку В. В. Верещагина.
Вторая половина XIX в.*

видов, размеров и возрастов — молодые и старые, маленькие и высокие, тонкие и толстые. Все, уткнувшись локтями в колени и возможно согнувшись, умильно смотрят на бачу: они следят за каждым его движением, ловят его взгляды, прислушиваются к каждому его слову.

Счастливец, которого мальчишка удостоит своим взглядом и еще более словом, отвечает самым почтительным, подобострастным образом, скорчив предварительно из лица своего и всей фигуры вид полнейшего ничтожества и сделав *бату**, прибавляя постоянно, для большего уважения, слово «таксир» («государь»). Кому выпадет честь подать что-либо баче, чашку ли чая или что-либо другое, тот сделает это не иначе как ползком, на коленях и непременно сделав предварительно бату. Мальчик принимает все это как нечто должное, ему подобающее, и никакой благодарности выражать за это не считает себя обязанным.

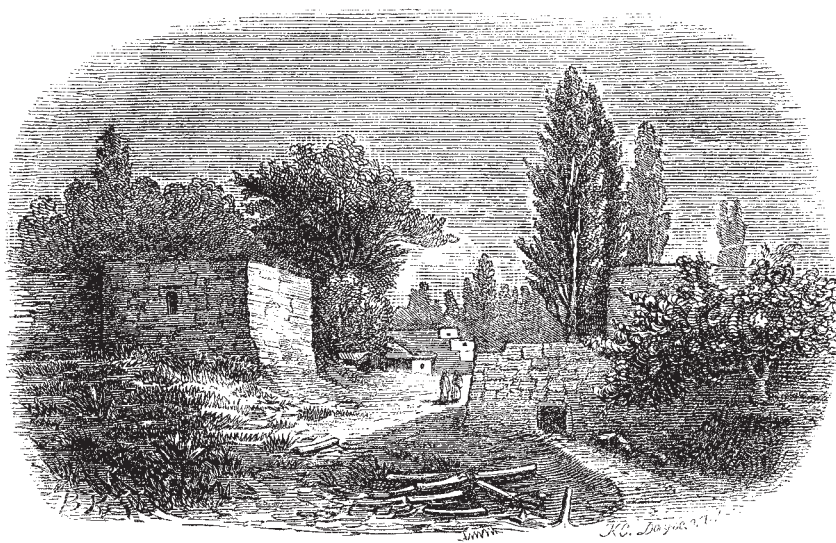
Я сказал выше, что бача часто содержится несколькими лицами: десятью, пятнадцатью, двадцатью. Все они наперерыв друг перед другом стараются угодить мальчику: на подарки ему тратят последние деньги, забывая часто свои семьи, своих жен, детей, нуждающихся в необходимом, живущих впроголодь.

* * *

Календархан — приют для нищих; места, в которых эти приюты выстроены, всегда полны тени и прохлады и принадлежат к лучшим уголкам города.

Посредине двора возвышение, место для молитвы — неперемнная принадлежность всякого общественного места. Далее другое возвышение, более просторное, посредине которого стоит низкое, бедное, грязное, убогое зданьице нищих, тут же

* *Бату* — род приветствия, состоящего в дергании себя за бороду. (Примеч. автора.)

Улица в старом Ташкенте.

Гравюра из иллюстрированного издания «Живописная Россия». 1885 г.

и заседающих, обыкновенно вдоль стен и по платформе. Одни из них разговаривают, другие курят, пьют чай, а иной, напившись *кукнара**, спит врасстяжку.

Нищенство здесь сильно развито и хорошо организовано. Нищья компания составляет род братства с одним главой; глава этот — потомок того святого, который дал организацию нищенствующему люду и закрепил за ним полученную от общества землю, даровую для всех желающих пристроиться на ней. Дом этого главы, очень порядочный, непохожий на грязный домишко его подчиненных, стоит тут же близ дороги, около спуска с городской улицы на площадку календархана. Я несколько раз хотел повидаться с этим *тюрой*** нищих, порасспросить его хорошенько об истории и времени основания его *нищенствующего ордена*, но его постоянно не было дома: один раз говорили, что тюра в Чимкенте, другой раз в Ходженте или в каком-нибудь другом городе. Дело в том, что, будучи главой нищего братства, он живет то в том, то в другом из них по несколько месяцев в году: собирает со своих подчиненных доходы, судит и рядит их, если нужно. Доходов собирает он, надобно думать, немало, потому что каждый *диван**** обязан ежедневно внести ему все полученное им в продолжение дня, исключая то, что нужно себе на пищу и необходимую одежду.

В официальные нищие, диваны, может поступить всякий желающий, всякий предпочитающий бродяжничество работе. Холостые большей частью живут вместе в календарханах, женатые — отдельными домами; мне указывали семейства, в которых дед, отец и внук — диваны.

Поступающий в общество *календарей* получает некоторого рода форму: ему выдается особого вида шапка красного цвета, расшитая шерстью, снизу опушенная бараньим мехом; широкий пояс; чашка из тыквы, в которую собираются куски говядины и жирного риса, бесцеремонно опускаются и медные *чехи* (*чехи* — $\frac{1}{3}$ копейки). Остальная одежда дивана хотя принадлежит ему самому, но делается

* *Кукнар* (кокнар) — настой из маковых головок.

** *Тюра* — господин. (Примеч. автора.)

*** Т. е. отдельный, входящий в орден нищий.

Нищие дервиши (дуваны) Средней Азии в праздничных нарядах.
Гравюра по картине В. В. Верещагина. Вторая половина XIX в.

Политики в опиумной лавочке в Ташкенте.

Гравюра по картине В. В. Верещагина. Вторая половина XIX в.

по известному, принятому образцу: халат должен непременно иметь вид одежды, покрытой заплатами, и есть мастера творить удивительно пестрые, бросающиеся в глаза от разнообразия заплаток одеяния.

У дивана есть всегда старое будничное платье, в котором он ежедневно ходит,— это сплошная масса лохмотьев, в которых, что называется, *живого места нет*. Другое — праздничное, надеваемое в торжественные дни, все составленное из расположенных в живописном беспорядке, один возле другого, пестрых, разноцветных, новеньких, недавно выпрошенных на базаре лоскутков: когда виден и кусочек шелковой материи или сукна, а больше ситца, образчики которого русского и туземного производства не на шутку конкурируют на плечах дивана прочностью и цветом.

— Зачем это у тебя палочка? — спрашивал я одного; у него в руках был тоненький зеленый прут, шкурка которого была вырезана узором.

— А когда я у кого-нибудь прошу милостыню,— отвечал он,— да он меня не слушает, так я этой палочкой тихонько и трону...

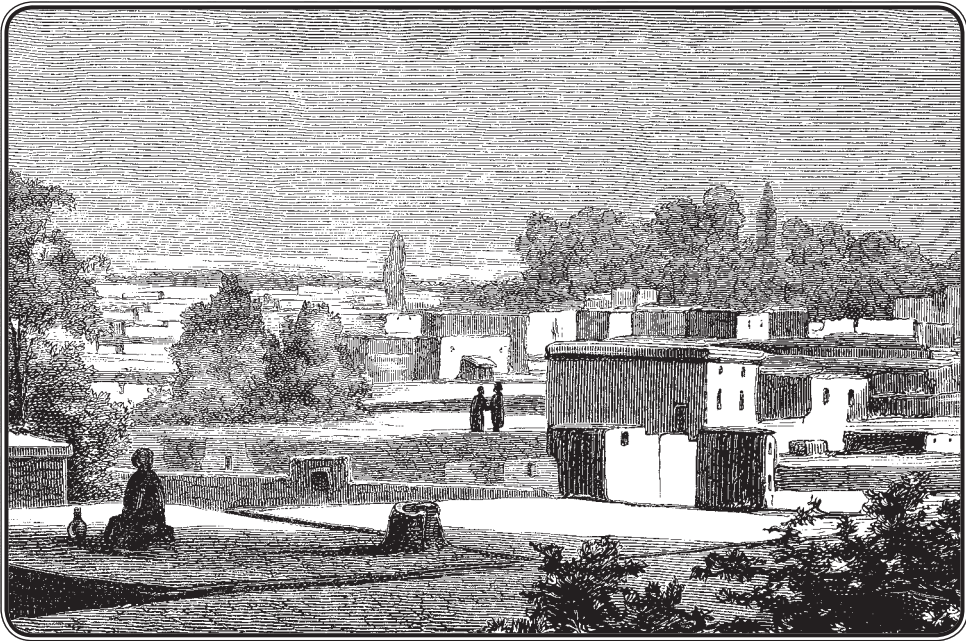
Каждый день утром нищая компания расходится на промысел, и вечером опять все собираются, сводят счета, приходы, рассказывают виденное, слышанное, городские новости и сплетни. По улицам и базарам постоянно встречаются диваны, то в одиночку, то целой группой; первые вытягивают соло, вторые режут хором. Человек десять, пятнадцать, а иногда и более, все в высоких мохнатых шапках, с желтыми обрюзглыми физиономиями, апатично вытягивают знакомые слова, подхватывают их за впереди стоящим запевалой, разбитным жожаком всей компании. Запевала этот выпевает такие штуки и так уморительно, что непривычному нельзя не рассмеяться: заткнув уши пальцами, нагнувшись корпусом вперед, он весь надувается и как бы грозит лопнуть, если не дадут подаяния.

Вечером диван возвращается в свою грязную хату; форма, т. е. шапка и проч., снята; чашка, после того как вынута из нее собранное, отправляется в угол или на гвоздик, и святой муж садится к огоньку, рассказывает, сплетничает, слушает других, причем курит крепкий *наша*, попивает чаек или кукнар. От кукнара, сильно опьяняющего, спит он крепко до утра, до новых бродяжнических подвигов.

Почти все диваны записные пьяницы, почти все опиумоеды. Кукнар и опиум принимают дозами, раза по три-четыре в день — первый большими чашками, второй кусками; многие, впрочем, готовы глотать тот и другой, сколько войдет, во всякую данную минуту.

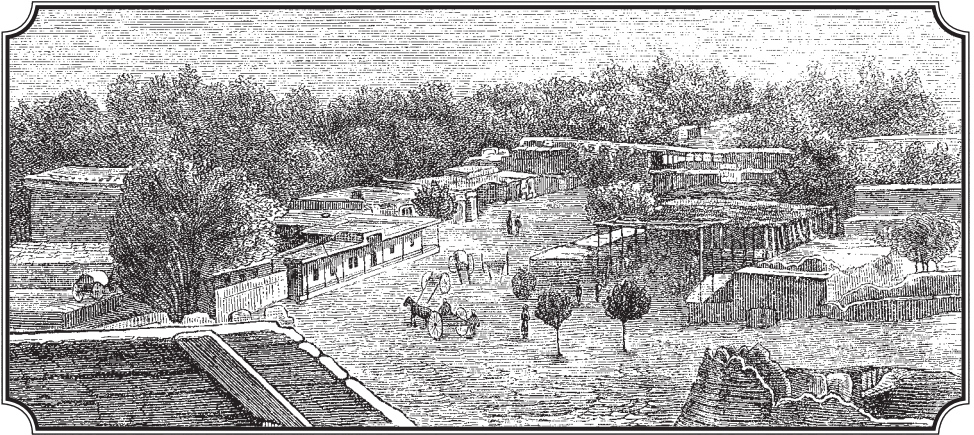
Я скормил раз одному целую палку продающегося на базаре опиума и не забуду, с какой жадностью он глотал, не забуду и всей фигуры, всего вида опиумоеда: высокий, донельзя бледный, желтый, он походил скорее на скелет, чем на живого человека; почти не слышал, что кругом его делалось и говорилось, день и ночь мечтал только об опиуме.

Сначала он не обращал внимания на то, что я ему говорил, не отвечал и, вероятно, не слышал. Но вот он увидел в моих руках опиум — вдруг лицо его прояснилось,

Вид Ташкента с севера.

Гравюра из иллюстрированного издания «Живописная Россия». 1885 г.

Базар в Ходженте.

Гравюра из иллюстрированного издания «Живописная Россия». 1885 г.

до тех пор бессмысленное, получило выражение: глаза широко раскрылись, ноздри раздулись, он протянул руку и стал шептать: «Дай, дай...» Я не дал сначала, спрятал опиум — тогда скелет этот весь заходил, начал ломаться, кривляться, как ребенок, и все умолял меня: «Дай бенг*, дай бенг!...» Когда я наконец подал ему кусок, он схватил его в обе руки и, скорчившись у своей стенки, начал грызть его потихоньку, с наслаждением, зажмуривая глаза, как собака гложет вкусную кость. Скоро он начал как-то странно улыбаться, нашептывать бессвязные слова; временем же судорога передергивала и искривляла его лицо...

Он сгрыз уже половину, когда сидевший близ него опиумоед, давно уже с завистью смотревший на предпочтение, оказанное мной скелету, вдруг вырвал у него остальное и в одну секунду положил себе в рот. Что сделалось с бедным скелетом! Он бросился на своего товарища, повалил его и начал всячески теревить, бешено приговаривая: «Отдай, отдай, говорю!» Я думал, что он ему выворотит скулу...

Календарханы не только приюты нищих — это также нечто среднее между нашим кафе-рестораном и клубом: желающий покурить *наша* или еще более запретный опиум и стыдящийся или не имеющий возможности заводить эти вещи дома идет в календархан; пьяница отводит свою душу кукнаром также в календархане. Разных новостей, как это можно себе представить, между бродягами-диванами не переслушаешь; поэтому народа всякого — болтающего, курящего, пьющего и спящего — всегда немало. Мне случалось встречать там лиц довольно почтенных, которые, впрочем, как бы стыдились того, что я, русский тюра, заставал их в компании опиумоедов и кукнарчей.

Между опиумоедами есть личности поразительные; физиономия каждого из них уже прямо говорит: «Я опиумоед». Но те, которые едят его много и с давних пор, особенно отличаются вялостью, неподвижностью всей фигуры, какой-то пугливостью всех движений, мутным, апатичным взглядом, желтым цветом лица и донельзя обрюзглым видом всей физиономии. Мне говорили (и я имел случай проверить это на деле), что опиумоед оказывается непременно трусом.

Летом жизнь этих людей далеко не горька: птицы божьи, они не сеют, не жнут, не собирают в житницы. Впрочем, вернее сказать, только не сеют и не собирают в житницы; жать же хотя и с грехом пополам, но жнут и жнут изрядно: от плодов

* Бенг — опиум. (Примеч. автора.)

Дуваны.

Гравюра по картине В. В. Верещагина. Вторая половина XIX в.

Опиумеды.

Гравюра по картине В. В. Верещагина. Вторая половина XIX в.

Базар в Новом Чиназе.

Гравюра из иллюстрированного издания «Живописная Россия». 1885 г.

Чиназ расположен на слиянии рек Чирчик и Сырдарья, в 60 км юго-западнее Ташкента. Поселения на этом месте были известны еще с времен раннего Средневековья, а своего расцвета город достиг в XI—XII вв. 4 апреля 1866 г. исполняющим должность военного губернатора

Туркестанской области генерал-майором Романовским был основан поселок Новый Чиназ.

Ныне Чиназ является административным центром Чиназского района Ташкентской области Узбекистана; его население составляет около 120 тыс. человек.

этой жатвы бравый диван исправно напитается, напьется и, если время свободное, валяется, пока душа просит, в тени деревьев.

Зимой беднякам приходится туже: как ни кутаются они в свои дырявые халатишки, но все-таки мерзнут и коченеют, потому что зимы здесь бывают, сравнительно с жарой лета, довольно холодны.

Придя раз довольно холодным днем в календархан, я застал картину, которая врезалась в моей памяти: целая компания нищих сидела, тесно сжавшись, вдоль стен; недавно, вероятно, они приняли дозу опиума; на лицах тупое выражение; полуоткрытые рты некоторых шевелятся, как будто шепчут что-то; многие, уткнув голову в колени, тяжело дышат, изредка передергиваются судорогами...

Близ базара есть множество конур, в которых живут диваны-опиумоеды, — это маленькие, темненькие, грязные, полные разного сора и насекомых каморки. В некоторых стряпается кукнар, и тогда каморка получает вид распивочной лавочки, постоянно имеющей посетителей: одни, выпившие в меру, благополучно уходят; другие, менее умеренные, сваливаются с ног и спят вповалку по темным углам.

Кукнар — очень одуряющий напиток, приготовляемый из шелухи обыкновенного мака: шелуху эту разбивают на мелкие кусочки и кладут в горшок с водой, которую нагревают. Когда шелуха размокнет, ее выжимают руками в воде, делающейся от этого красноватой, мутной и горькой. Горечь кукнара так неприятна, что я не мог никогда проглотить его, хотя не раз был угощаем приветливыми диванами.

В подобных же конурах устраиваются лавочки и для курения опиума; каморка такая вся устлана и обита циновками — и пол, и стены, и потолок. Курильщик ложится и тянет из кальяна дым от горящего шарика опиума, который маленькими щипчиками придерживается другим у отверстия кальяна. Одурение от курения опиума едва ли еще не сильнее, чем от приема его внутрь; действие его можно сравнить с действием табака, но только в гораздо сильнейшей степени. Подобно

табаку, он отнимает сон, сон натуральный, укрепляющий; зато, говорят, он дает сны наяву, сны беспокойные, скоропроходящие, галлюцинации, сменяющиеся слабостью и расстройством, но приятные.

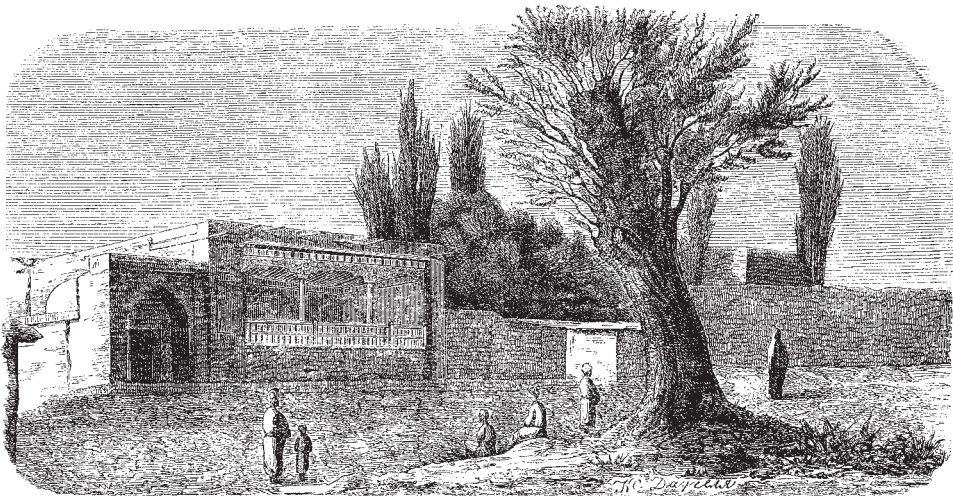
Едва ли можно сомневаться, что в более или менее продолжительном времени опиум войдет в употребление и в Европе; за табаком, за теми приемами наркотиков, которые поглощаются теперь в табаке, опиум естественно и неизбежно стоит на очереди.

II

Чиназ — очень небольшое селение, неизвестно почему называющееся городом. Он расположен на возвышенном берегу бывшего русла Чирчика, теперь почти пересохшего, болотистого и только местами покрытого камышом. Крепость Чиназскую мы оставили влево и через маленький базарчик, тихий, немногочисленный, проехали в указанный нам единственный, кажется, постоянный двор некоего Муллы-Фазиля, местного торговца...

Прежде Чиназ был многолюднее, теперь часть жителей его, особенно торгующих, переселилась в Новый Чиназ, основанный русскими, несколько верст впереди, при слиянии Чирчика с Сырдарьей, где построена и новая крепость, а здешняя оставлена. Крепость эта была занята русскими без боя, потому что гарнизон рассудил заблаговременно уйти. Мне казалось, однако, что она в других руках могла бы постоять за себя: стены, еще довольно крепкие, стоят на высоком валу, окруженном очень глубоким рвом; края стены, по обыкновению, зубчатые, кое-где с пробитыми бойницами. В середине только груды развалин, между которыми бродила, что-то отыскивая, целая ватага мальчишек, как брызги рассыпавшаяся в стороны при нашем приближении. Кирпич и весь годный строительный материал выломаны и употреблены на постройку крепости и домов Нового Чиназа.

Сильный ураган, разразившийся в этот день, 14 (26) марта, задержал нас в этом малоинтересном местечке до следующего утра: около трех часов пополудни поднялся такой вихрь, что в продолжение некоторого времени страшные массы пыли скрывали от глаз предметы даже в нескольких шагах; затем пошел сильнейший дождь, ливший всю ночь.

Постройки в мусульманской части Ташкента.

Гравюра из иллюстрированного издания «Живописная Россия». 1885 г.

В свое время своеобразной «достопримечательностью» Чиназа были обитавшие в его окрестностях тигры. В «Воспоминаниях» генерала Владимира Алексеевича Полторацкого об этом говорится следующим образом: «Надо сказать, что уже во время моего личного пребывания в Туркестане случилось здесь и именно в Чиназе два необыкновенных появления тигра в самом городе. Как в прошлом, так и в нынешнем (1871) году среди белого дня и, что замечательнее всего, оба раза в Страстной четверг заскакивали на самую площадь крепости огромные тигры, загнанные потом народом на пустые, кругом каменными

стенами огражденные дворы, где и были убиты штуцерными пулями сбежавшихся по тревоге солдат. Но и здесь победа досталась не без жертв. Прошлогодний тигр, защищая свою жизнь, изуродовал 7 человек, а нынешний — 11, из числа которых большая половина умерла в здешнем госпитале. Чучело из великолепной шкуры последнего тигра, громадного объема и отличной выделки, уже красовалось на нижней террасе генерал-губернаторской дачи, и не знаю, как на других, но на меня, когда я увидел ее в первый раз, она, т. е. шкура тигра, произвела — греха таить нечего — далеко не самое приятное впечатление».

Я познакомился здесь, между прочим, со способом выделки масла из семян хлопчатой бумаги — масла, которым Чиназ, кажется, изобилует: в маленькой темной клетушке стоит высокий сруб с углублением наверху, в которое вставлено наклонно бревно; к верху бревна с помощью рычага привешена значительная тяжесть, которую, вместе с ними, ворочает кругом ходящая лошадь; нагнетаемое тяжестью бревно давит семена, и масло льется в отверстие сруба. Вся эта машина страшно громоздка и в темной каморке, вместе со скелетом кружащейся лошади,

с засаленным работником и производимым ею шумом, скрипом создает впечатление чего-то крайне первобытного.

На другой день дорога оказалась размытой так, что лошади ступали с трудом, а в местах, где она проходила через камыши, топка и небезопасна; вода, накопившаяся от сильного дождя в этих камышах, сильными потоками лилась в Чирчик.

Местность около дороги, оживленная дождем, была ярко-зелена от прекрасной травы. Киргизы пахали и боронили, пашут всё теми же незатейливыми сохами и перед бороением разбивают заступом большие комья земли; борона — доска двух аршин длины при полуаршине ширины, с несколькими железными тычинками, привязанная цепью к деревине, идущей к воловьему ярму; на доске, для пригнетения ее, стоит погонщик.

Новый Чиназ смотрится очень печально: крепостца маленькая, постройки малы, бедны, и почти нет деревьев, что довольно странно видеть вблизи двух рек. Правда, при некоторой возвышенности места относительно уровня воды,

Сарт из Чиназа.

Рисунок В. В. Верещагина

Сарт-земледелец.

Гравюра из иллюстрированного издания «Живописная Россия». 1885 г.

провод арыков, а с тем вместе и разведение садов должны быть несколько затруднительны, но породы ивовые могли бы быть легко и скоро разведены. Здешняя ива при всякой воде принимается еще быстрее, чем наша, так что ее прозвали даже «бессовестной»; но при таком климате, как здешний, нельзя гнушаться никаким, даже и «бессовестным» деревом.

Поселение Чиназ стоит на самом берегу Сырдарьи; в нем довольно большой базар с торговцами, преимущественно из туземцев, так падкими на всякий барыш, как бы он мелок ни был, и потому всегда во множестве прилепляющимися к месту, заселенному русскими...

В Сырдарье ловятся отлично осетры, сомы и другая рыба, но рыболовов мало.

Я нашел в Чиназе ташкентского знакомого Ф., жившего здесь ради какого-то весьма кляузного дела. Между прочим, он жаловался мне на трудность что-либо дознавать, что-либо разбирать между туземцами.

По этому поводу приведу один случай, рассказанный мне здешним комендантом Г. — случай вздорный, но довольно характерный. Приходит к нему раз киргиз и жалуется, что такой-то укусил ему палец; обжалованный и спрошенный по этому

поводу положительно объявляет, что он пальца не кусал. Как тут быть? «Покажи рану». Рана оказывается продольная, как от разреза ножа, и призванный доктор решает, что она сделана никак не зубами, а именно чем-нибудь вроде ножа. Дело объяснилось так: жаловавшийся служит вместе со своим мнимым обидчиком в Ташкенте, был раз уличен им в каком-то воровстве, за это наказан и с тех пор питал к нему такую злобу, что, по словам последнего, в состоянии был не только поранить палец, но и совсем отрезать один, два, три или сколько нужно, чтобы только взвести на него клевету и напакостить, отомстить.

Ранним утром мы переправились через неширокий Чирчик на небольшом железном баркасе. В крутом берегу речки я видел какие-то отверстия и после от одного из сопровождавших меня казаков узнал, что это их зимовки; бедные воины не имеют, вероятно, покамест лучшего жилья.

— Да ведь, поди-ка, там худо жить вам? — спрашиваю я его.

— Совсем худо.

— А теперь и летом, где же вы живете? В палатках?

— Нет, так, на вольном воздухе.

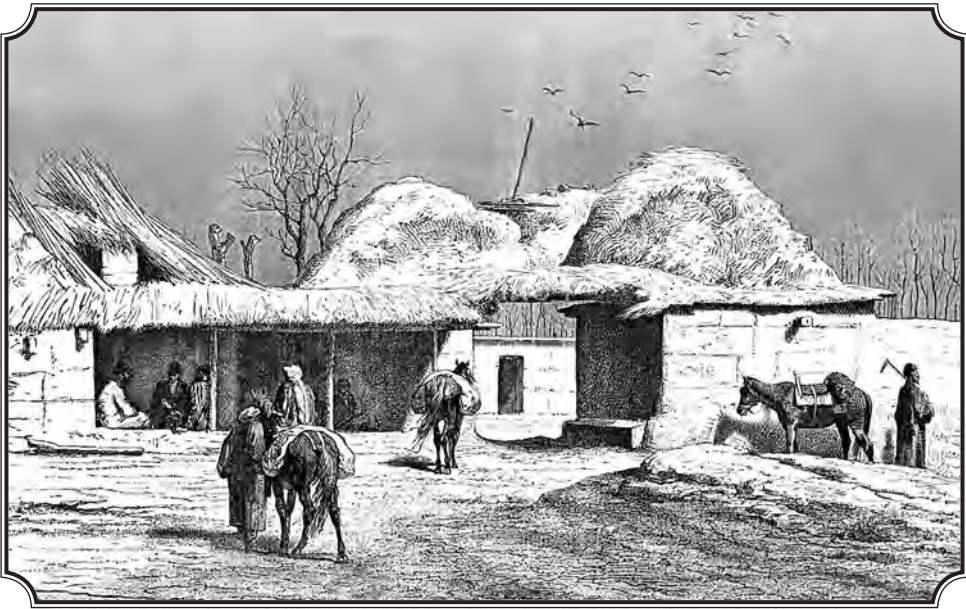
— Как так? А ветер, дождик ведь мочит?

— Дождик помочит, а солнышко высушит...

Киргиз в войлочной шляпе.

Рисунок В. В. Верещагина

Постояльный двор близ Ташкента.

Рисунок В. В. Верещагина

Мы ехали довольно низким местом; кое-где виднелись пашни, травы почти нет, а много камыша, от которого видна была только одна окружающая обыкновенно камыш трава. От самого камыша торчат только обгорелые остатки стебельков: камыш ежегодно срезается жителями и идет на домашнее употребление или на продажу; остатки же, для лучшего роста, сжигаются.

Много посевов клевера, который родится здесь превосходно и снимается до пяти раз в год, а три раза, как говорят, соберет и ленивый.

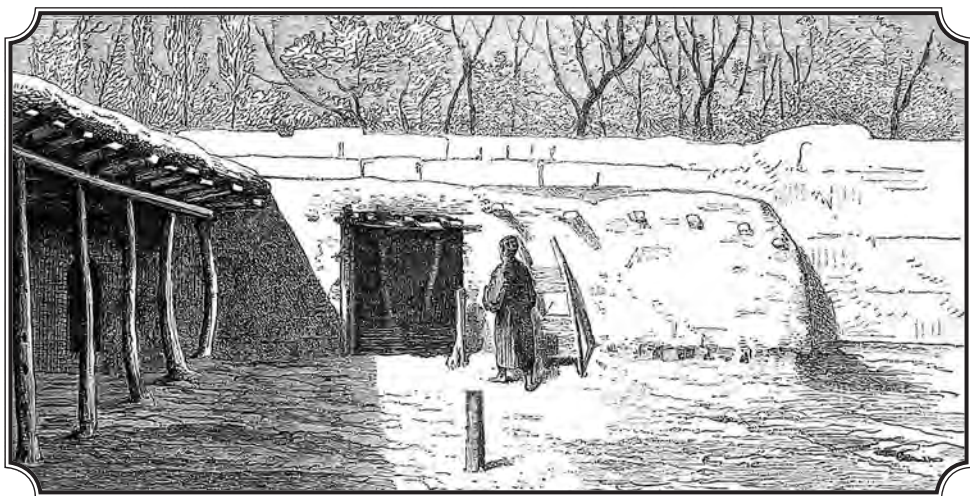
Мы видели несколько вспорхнувших перепелок, и Б. рассказывал, что здесь их очень много и что сарты и киргизы ловят их и выкармливают для драк, причем, разумеется, держатся заклады. Немало гордится владелец перепела, когда говорят, что питомец его победил столько-то соперников. Туземцы страстно любят эту забаву и в состоянии целые дни проводить за ней. Хорошо выдрессированная птица стоит очень дорого. «Я знаю, — говорил Б., — некоторых хозяев перепелов, которые не возьмут и пятидесяти тиллей* за штуку».

Горные куропатки ловятся и выкармливаются для той же цели.

Сеют здесь пшеницу, ячмень, просо, горох, лен; из семян льна жмут масло, волокно же варвары употребляют на подтопку. Есть сарачинское пшено**, но мало, потому что оно требует большой и частой поливки; его много в долине Ангрена и далее к Тяю и к Ходженту. Сеют мак, который идет в пищу; из него делают род похлебки, а из скорлупы жмут *кукнар*, хотя сильно хмельной и потому противный мусульманскому богу напиток, но неговоренный Кораном и потому веселящий сердца правоверных туземцев без удручения их совести. Впрочем, жители не брезгают и виноградным вином, когда можно раздобыться им, и только более совестливые из них успокаивают себя тем, что разбавляют вино своей *бузою* или, вернее, в водку и вино, делаемое из винограда, подбавляют бузы: выходит и людям

* Тилля — 4 рубля. (Примеч. автора.)

** Сарачинское (сарацинское) пшено — устаревшее название риса.

Во дворе дома Верещагина в деревне Ходжакент.
Рисунок В. В. Верещагина

приятно, и Корану необходимо. Один из провожавших меня казаков, бывший при взятии крепости Джузак, говорил мне, что они нашли там много вина и водки.

В одной большой деревне Ходжакент мы остановились. Мужчины большей частью были на работе, женщины же целыми семьями выскакивали посмотреть на *урусов*; некоторые боязливо выглядывали, спрятавшись за что-нибудь; другие, видя, что никого из своих мужчин нет, показывались смелее, улыбались, кивали головами и даже покрикивали: «Аман!»*

Лишь только мы поместились в отведенном нам домишке, как на новоселье собралось к нам множество народа, старого и малого. Стали допытывать, кто я, куда и с какой целью еду?

Объяснять туземцу возможность существования не прямо практической, а отвлеченной, научной или художественной цели — потерянное время: он не поймет этого, и потому, как я ни старался объяснить, что еду просто для того, чтобы познакомиться с краем, еще мало известным нам, русским, познакомиться с жителями, с их житьем-бытьем и потом, в свою очередь, познакомить с этим других, живущих далеко отсюда, — они не могли взять этого в толк и так, кажется, и остались в убеждении, что дело не совсем ладно, что еду я для каких-нибудь розысков.

Я расспрашивал, между прочим, об окрестностях и о дорогах отсюда к Ходженту и к Джузаку, причем вынул карту, по которой смотрел называемые ими деревни на пути. Карта эта возбудила всеобщее любопытство, а когда я по ней назвал окрестные селения и сказал, что могу по ней перечислить все деревни и города, реки, горы и степи, не только Туркестанской области, но и Коканда и Бухары, то удивлению не было границ.

Случилось, в разговоре о разных разностях, спросить, от каких болезней терпит здесь всего более народ, — говорят, что особенно от горячек и лихорадок. Лихорадки бывают особенно часты в пору поспевания плодов; против них не знают никаких средств; они, говорят, редко излечиваются совершенно и всегда, года через два или три, если не раньше, возвращаются и сказываются, хотя без прежней силы, без пароксизмов тряски, сильным изнеможением и утратой бодрости на долгое время.

* Аман — будь здоров. (Примеч. автора.)

Улица в деревне Ходжакент.
Рисунок В. В. Верещагина. 1870-е гг.

— Есть вот еще один больной, — говорит хозяин дома, — не знаем, как его лечить.

— Где, который?

— Да вот мой сын. — И указывает на малого лет пятнадцати, здорового на вид и краснощекого.

Расспросив, я понял, что это довольно обыкновенная болезнь, против которой, кстати, между несколькими запасными в дорогу лекарствами было у меня отличное средство.

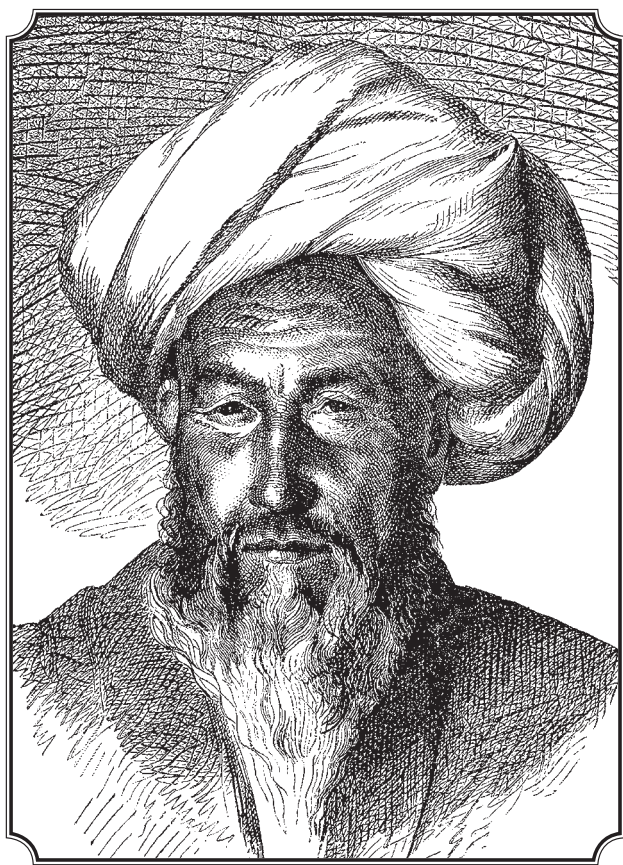
— Хорошо, — говорю, — я дам тебе лекарство, через два или три дня ты будешь здоров.

Меня поблагодарили за это обещание, хотя не без видимого недоверия, потому что болезнь была довольно упорная, продолжавшаяся уже около четырех месяцев, и туземному лекарству не поддавалась. Но вот на другой же день больному моему,

которому я предписал все должные предосторожности и диету, делается лучше; на следующий день болезнь совсем исчезает. Молва об этом немедленно же обходит всю деревню, а затем и все селения; отовсюду начинают являться за советами и помощью. На мое несчастье, следующий пациент также если не совсем выздоровел, то почувствовал облегчение — это был мальчик из той же деревни, на которого жалко было смотреть: восемнадцать лет, очень миловидный, он года три уже как не рос более и как-то сгорбился, покривился всем туловищем, жаловался на стеснение в груди и сильное, давнее, периодически повторяющееся расстройство желудка.

Так далеко, чтобы понять эту болезнь и тем более помочь ей, мои сведения не простирались, и я откровенно сказал это отцу мальчика, предложив, впрочем, от расстройства желудка известные, весьма безвредные капли.

Каково же было мое удивление, когда через несколько дней приема их малый мой объявляет, что и расстройство желудка прекратилось, и стеснение в груди уменьшилось. Разумеется, результат был достигнут благодаря воображению пациента, а я в нем ни душой, ни телом не виноват; тем не менее репутация моя как человека опытного в лечении разных болезней упрочилась, и, к немалому моему огорчению, ежедневно стало стекаться множество больных. Говорю «к немалому огорчению», так как в самом деле положение неприятное: отказать в совете нельзя, во-первых, потому, что к русскому доктору не пойдут, отчасти по недоверию, отчасти же — и это главное — потому, что он не под рукой и лечение его сопровождается издержками; во-вторых, потому, что по тем или другим резонам,

Старшина деревни Ходжакент.

Рисунок В. В. Верецагина

обойдя науку в лице ее посильного представителя ближайшего русского поселения, туземец необходимо обратится к шарлатану, к своему доморощенному *усте**, редко совестливому, а большей частью только берущему деньги и подарки, пользы же не приносящему. Когда я советовал, например, больному обратиться к чиназскому доктору, говоря, что сам помочь не могу, он уходил всегда, почесывая затылок, с намерением подождать немножко: может, и так пройдет. Ужаснее всего то, что говоришь, бывало: «Не знаю, не понимаю болезни, не имею лекарства, не могу помочь» — не верят. «Мы слышали, — говорят, — что *твое лекарство* многих вылечило».

Так или иначе, приводилось давать посильные советы, состоявшие главным образом в объяснении пользования водой, растирания, закутывания в мокрые простыни и т. п., что для ревматических болезней, удручавших большую часть моих пациентов, было, разумеется, далеко не бесполезно.

Каждый день, бывало, ранним утром А. Н. уже зовет меня: «Да выйдите, пожалуйста. Страх сколько их пришло: все просят *усту* повидать». Некоторых приносили на носилках; другие приходили звать в свою деревню, к больным, которые не могут двигаться. Были и такие, которые просили заочно дать лекарство, — это случалось большей частью, когда дело касалось женщин; говорит, объясняет, что болит то-то и то-то, и просит какого-нибудь такого лекарства, чтобы принять и выздороветь сейчас.

В одной соседней деревне показывали мне раз мальчика лет двенадцати-тринадцати, которого никогда не забуду. Его вынесли ко мне на руках, обложенного ватой, закутанного в целую массу тряпья; лицо его, донельзя пухлое и обезображенное, было бледно, как чистейший белый воск; вместо глаз какие-то гнойные ранки; нос провалившийся; вместо рта щелка, более не закрывающаяся и не открывающаяся, сквозь которую видны мягкие крошащиеся зубы; страшная гнойная болезнь на голове и на теле. Мальчик, разумеется, не двигался, почти ничего не ел и едва-едва говорил.

— Сколько уж наших докторов лечило его — не могли вылечить.

— Как же они его лечили?

— Больше ртутью.

— И много ее давали ему?

Мальчик из деревни Бука.

Рисунок В. В. Верещагина.

Конец 1860-х гг.

* *Уста* — мастер, доктор. (Примеч. автора.)

Мельница в Ходжакенте.
Рисунок В. В. Верещагина. 1870-е гг.

— Кто ж его знает, мы этого не знаем; кажется, *коп**.

— Зачем же вы позволяете глупым людям распоряжаться так вашими детьми? — говорю я отцу ребенка.

— Не знаю я, — отвечает он, — мы люди темные; кто что посоветует, то и делаем. Сами видим, что нас обманывают, только чтобы сорвать *селяу*** да что же делать-то? Ведь жаль ребенка, ну и слушаешь, что скажут...

Бедный мальчик этот через несколько дней умер.

Очень многие из жителей, чуть не половина, изрыты оспой; у многих на лице и голове следы лишаев и других кожных болезней. Чтобы не дать лишаю распространяться, намазывают пораженную им часть сажей, и смешно видеть, как иной мальчик бегаёт с физиономией наполовину белой, наполовину черной.

Уморительная старуха явилась раз ко мне из одного соседнего аула; хриплым голосом рассказала она, что черви съели у нее маленький язычок и теперь уж начали есть печенку — так по крайней мере объяснил ей *уста* — и что поэтому кричать и громко говорить она не может; при этом чувствует давление в груди и боль в горле. Я хотел посмотреть на этот бедный маленький язычок, но она завопила, взмолилась:

— Не тронь, не тронь, бога ради!

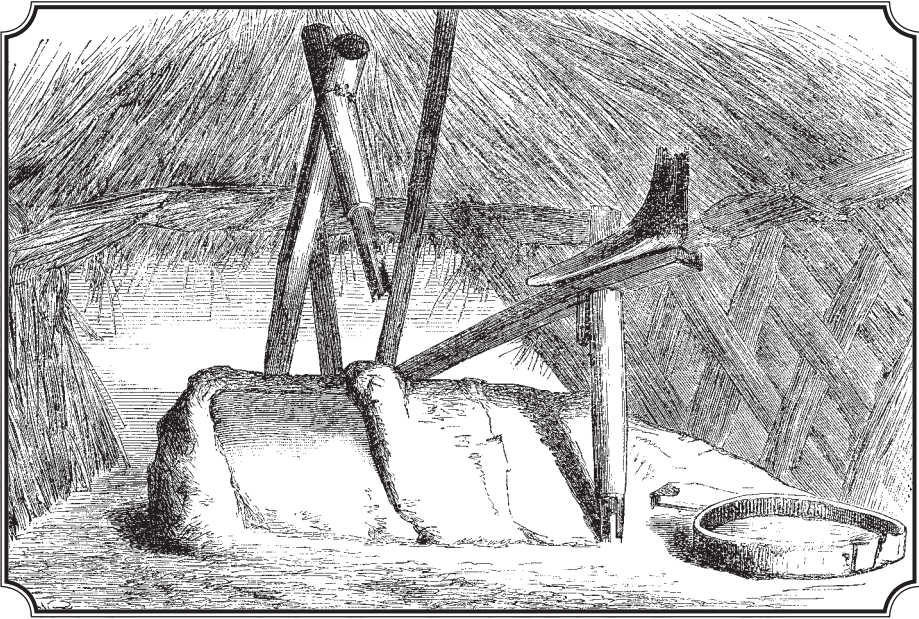
— Да отчего же? Я хочу только посмотреть, что у тебя там...

— Нет, нет, лучше подожди; я приведу сына. Ты уж при нем сделай что надо; тогда, если я умру, так при нем: он будет знать, что со мной делать...

Деревня Ходжакент расположена близ Сырдарьи, в сотне шагов от нее; дом, в котором я живу, стоит на берегу арыка, широкого, с высокими берегами, ведущего воду с полей к мельницам и потом в Сырдарью. Набережная этого арыка, обсаженная кое-где деревьями, составляет лучшую во всем селении улицу; на ней

* *Коп* — много. (Примеч. автора.)

** *Селяу* — подарок. (Примеч. автора.)

Бревна для очистки зерна на мельнице в Ходжакенте.

Рисунок В. В. Верещагина. 1870-е гг.

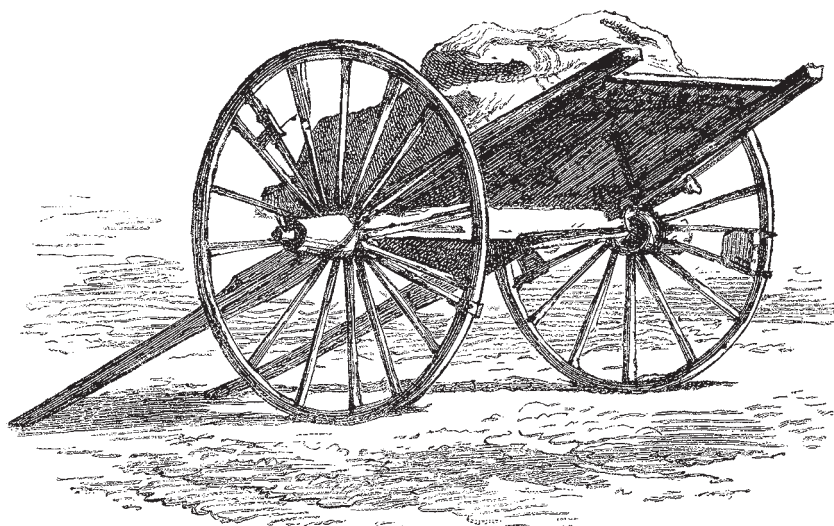
помещается между прочим одна из двух имеющихся в деревне лавочек, около которой ежедневно по вечерам, после работы, собирается народ: кто просто посидеть в компании, кто поболтать, перекинуться словечком, узнать новости, которые, если только имеются, непременно будут туда снесены, а кто поиграть в игру, сходную с нашей шашечной, — прутиком расчерчиваются на земле фигуры, по которым ходят красненькими и серенькими камышками. Я подсаживался иногда к игрокам и, разумеется, постоянно проигрывал, к большому удовольствию и смеху всей публики.

В те дни, когда в Чиназе базар, собрание в лавочке бывает многолюднее и оживленнее: ездившие на базар сообщают собранные там новости и сплетни, а так как новостей и сплетен на всяком базаре больше, чем товара, то и материала для разговоров ходжакентцев, собравшихся у лавочки, бывало немало, притом разговоров самого разнообразного сорта, начиная от крупного местного политического события до мелкой дневной новости. Один раз аксакал, т. е. старшина*, пресерьезно сообщил мне, что продавали-де на базаре рыжую кобылу, продавали не просто, а с барабанным боем. Так как народу на базаре при этой продаже, вероятно, было немало, то, без сомнения, о продаже рыжей кобылы с барабанным боем, о ее цене, летах, пороках, достоинствах и проч. узнали и толковали далеко по окрестностям...

Кроме городов, базары еще бывают в больших деревнях и один раз в назначенный день недели: по понедельникам, например, базар бывает в *этой* деревне, по вторникам — в *той*, по средам — в *третьей* и т. д., так что каждый день может крестьянин купить, что ему нужно, посплетничать, сколько душа его просит, не ездя для этого в далеко отстоящий город. В Ходжакенте базаров не было потому именно, что он недалеко от Чиназа.

Садов в Ходжакенте мало; улицы, кроме большой, о которой я упоминал, грязны, узки и во время дождей просто непроходимы; дома, за исключением немногих

* Буквально аксакал значит «белая борода»: ак — «белая», сакал — «борода». (Примеч. автора.)

Среднеазиатская арба.

Рисунок В. В. Верещагина

зажиточных, весьма жалкого вида; они, как и все, построены из земляных комьев и грязи. Недалеко от моего дома была мечеть — небольшое, простое снаружи и внутри зданье, каждое утро и вечер наполнявшееся крестьянами, совершавшими положенный намаз. Я замечал, впрочем, что посещали мечеть далеко не все жители, а больше только люди пожилые, старики.

Управление деревни сосредоточивается в руках старшины и *казы**; должности эти не выборные, а по назначению и в большинстве случаев даже наследственные — так, мой приятель Таш, аксакал Ходжакента, наследовал должность от отца, который, в свою очередь, получил ее от своего родителя и т. д. При таком порядке управления, разумеется, чисто патриархальное в самом многозначительном смысле этого слова: аксакал и казы, на условии взаимного дележа, грабят народ, и, сколько мне ни случалось слышать, людей честных в том смысле, как мы это слово понимаем, нелицеприятно, без взяток и поборов судящих и управляющих, между ними нет. Новое положение, введенное русскими, делающее почти все должности избирательными, без сомнения, не по вкусу будет деревенским аристократам, зато *байгуши* (бедняки) вздохнут свободнее...

Работает здешний крестьянин всякую работу допотопнейшими приемами и орудиями. Вот, например, недалеко от меня на рынке меленка для очистки риса: два толстых куска дерева, окованных железом, с острями, попеременно опускаясь и поднимаясь, бьют по зернам, насыпанным в углубления, сделанные в земле и прикрытые шалашом из камыша. Эти куски дерева приводятся в движение каким-то подобием колеса, с шумом и скрипом медленно повертывающимся и попеременно то поднимающим, то опускающим деревини, бьющие по зернам.

Три раза последовательно очищают и просеивают крупу, прежде чем она освободится от шелухи, и благодаря способу очистки из четырех *батманов*** неочищенного

* *Каза* (кази) — духовное лицо, род судьи. (Примеч. автора.)

** *Батман* — старинная весовая единица, которая входила в Русскую систему мер и использовалась в отдельных частях Российской империи. В разных регионах батман имел свое значение; в Средней Азии он равнялся от 21 до 260 кг.

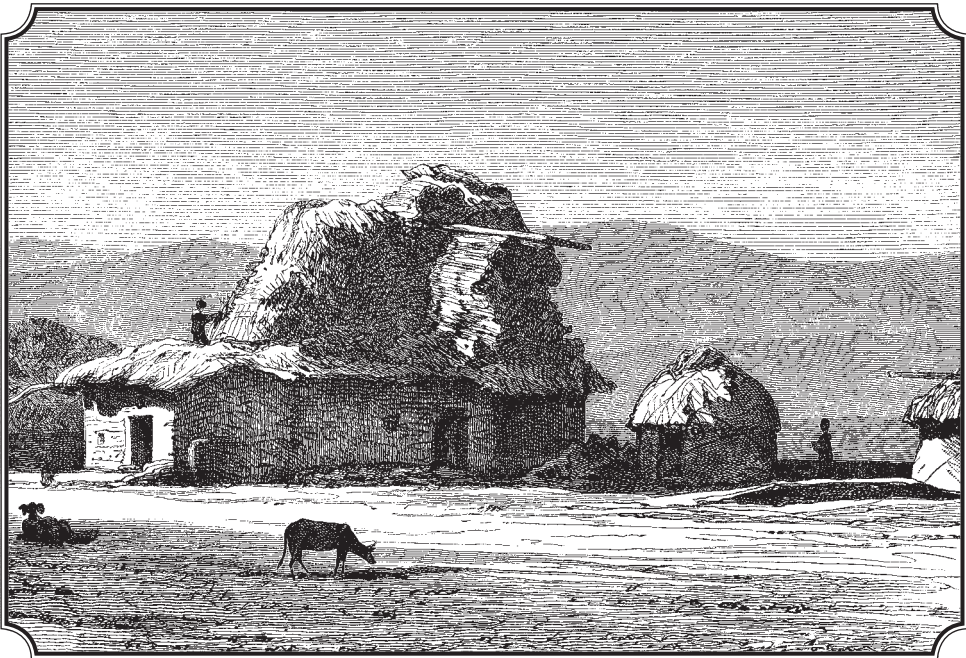
риса получается только два очищенного. Это, впрочем, зависит и от сравнительно малого орошения здешних рисовых полей: в тех местах, где орошение сильнее, зерно крупнее и в очистке получается его более. За целый день работы очищается совершенно едва два батмана зерна, но так как и таких меленок немного в окрестностях, то крупу привозят для очистки в ходжакентскую мельницу довольно издалека и платят за это одну шестнадцатую часть.

Случалось мне видеть, как гнут обод колеса; хотя у здешних арб колеса и большие, а потому и деревянные обручи, для них служащие, довольно плотны, тем не менее жалко видеть, как десять человек, буквально в поте лица, целый день возятся около одного такого обруча.

* * *

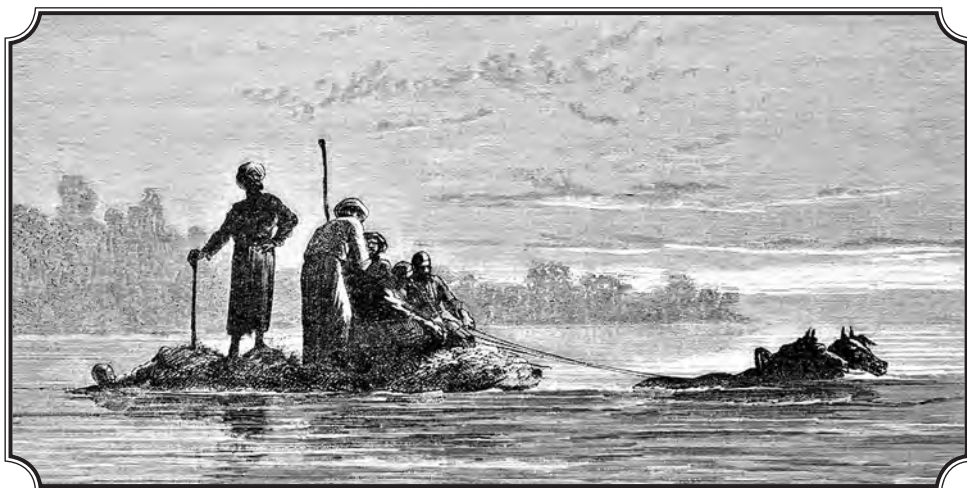
Я поехал далее и приехал в места поселения киргизов таминского рода. По их словам, когда-то очень давно предки их пришли сюда войной с запада, по окончании которой часть воротилась назад, а другая, не имевшая средств, осталась здесь. Теперь почти все таминцы живут в пространстве между Ташкентом, Чиназом и Ходжентом, занимаются хлебопашеством, и большая часть живет оседло круглый год. Тип лица их некиргизский, или если несправедливо называют здесь обыкновенно оседлых таминцев сартами, то и за кровных киргизов принять их трудно.

По обыкновению, множество народа тотчас же явилось к нам в гости «пожелать здоровья», и по мере того, как раскладывались мои вещи и развьючивалась моя собственная особа, любопытство моих собеседников усиливалось: непременно все им покажи, расскажи, в чем я, разумеется, не отказывал. И вот поднимаются выражения удивления на разные лады: один щелкает языком и совершает это очень долго, сначала быстро, потом все медленнее и медленнее, как бы замирая; другой

Киргизская деревня.

Рисунок В. В. Верещагина из книги Фридриха фон Гельвальда
«Центральная Азия. Пейзажи и народы Кашгара, Туркестана, Кашмира и Тибета». 1875 г.

Переправа через реку Ангрен.

Гравюра по рисунку В. В. Верещагина. Вторая половина XIX в.

вытаращит глаза и твердит протяжно: «Па, па, па!»; третий весь как-то раскачивается; четвертый, наконец, просто немеет от удивления и только по временам отряхивается, как от чертовщины.

Да как в самом деле и не удивляться! Еще складной ножик с несколькими клинками, складной зонтик, складной стул, положим, не так чудны; но вот, например, складной карманный револьвер *кичкине-милтык*, т. е. «маленькое ружье», — это такая удивительная вещь, которая дает бравому туземцу тему для рассуждений на все лады, на многие и многие часы досуга.

Ангрен протекает под самой деревней, и переправить нас через него обещали на следующее утро на *сале*, плотике из камыша. Ангрен — небольшая речка, впадающая в Сырдарью; эти горные речонки, ничтожные в сухое время до того, что, как говорится, курице впору перейти вброд, осенью от дождей и особенно весной от таяния снегов так разбушеваются, что переправы через них делаются если не невозможными, то крайне опасными. Именно через одну из таких речонек нам предстояло теперь переправиться.

«Сал у нас хороший; переправим живо», — говорят мне. Но на другое утро, когда я отправился посмотреть этот хваленый сал, он оказался преутлой штукой: несколько снопов камыша, плохо связанных, — всё вместе два аршина. Я дал денег на камыш, все веревки от своего багажа и велел сделать что-нибудь понадежнее.

Через час посудина была готова, увеличилась и площадью и толщиной.

Вода неслась с чрезвычайной быстротой; переправа предстояла небезопасная, и вся деревня высыпала смотреть на нее. Сначала пустили двух лошадей понадежнее, попробовать, как они терпят воду; два киргиза в одних только коротеньких штанишках сидели на них верхом. Когда лошади всплыли, их страшно понесло течением, но киргизы соскочили с них тогда и, держась одной рукой за гривы, другой за узду, ловко направляли наперерез воды; сажень в тридцати ниже они вышли на тот берег, потом, зайдя вверх, переправились обратно. Бедные лошади все еще дрожали, отфыркивались и пугливо смотрели на воду, но им не дали опомниться, привязали к хвостам нагруженный плот и снова пустили в воду. Два человека плыли при лошадях, пять или шесть кругом плота; шума не было — все напряженно следили за переправой; слышалось только сопение и фыркание выбивавшихся из сил лошадей.